

1970-1971, 1972-1973, 1974-1975, 1976-1977, 1978-1979, 1980-1981, 1982-1983, 1984-1985, 1986-1987, 1988-1989, 1990-1991, 1992-1993, 1994-1995, 1996-1997, 1998-1999, 2000-2001, 2002-2003, 2004-2005, 2006-2007, 2008-2009, 2010-2011, 2012-2013, 2014-2015, 2016-2017, 2018-2019, 2020-2021, 2022-2023, 2024-2025, 2026-2027, 2028-2029, 2030-2031, 2032-2033, 2034-2035, 2036-2037, 2038-2039, 2040-2041, 2042-2043, 2044-2045, 2046-2047, 2048-2049, 2050-2051, 2052-2053, 2054-2055, 2056-2057, 2058-2059, 2060-2061, 2062-2063, 2064-2065, 2066-2067, 2068-2069, 2070-2071, 2072-2073, 2074-2075, 2076-2077, 2078-2079, 2080-2081, 2082-2083, 2084-2085, 2086-2087, 2088-2089, 2090-2091, 2092-2093, 2094-2095, 2096-2097, 2098-2099, 2100-2101, 2102-2103, 2104-2105, 2106-2107, 2108-2109, 2110-2111, 2112-2113, 2114-2115, 2116-2117, 2118-2119, 2120-2121, 2122-2123, 2124-2125, 2126-2127, 2128-2129, 2130-2131, 2132-2133, 2134-2135, 2136-2137, 2138-2139, 2140-2141, 2142-2143, 2144-2145, 2146-2147, 2148-2149, 2150-2151, 2152-2153, 2154-2155, 2156-2157, 2158-2159, 2160-2161, 2162-2163, 2164-2165, 2166-2167, 2168-2169, 2170-2171, 2172-2173, 2174-2175, 2176-2177, 2178-2179, 2180-2181, 2182-2183, 2184-2185, 2186-2187, 2188-2189, 2190-2191, 2192-2193, 2194-2195, 2196-2197, 2198-2199, 2200-2201, 2202-2203, 2204-2205, 2206-2207, 2208-2209, 2210-2211, 2212-2213, 2214-2215, 2216-2217, 2218-2219, 2220-2221, 2222-2223, 2224-2225, 2226-2227, 2228-2229, 2230-2231, 2232-2233, 2234-2235, 2236-2237, 2238-2239, 2240-2241, 2242-2243, 2244-2245, 2246-2247, 2248-2249, 2250-2251, 2252-2253, 2254-2255, 2256-2257, 2258-2259, 2260-2261, 2262-2263, 2264-2265, 2266-2267, 2268-2269, 2270-2271, 2272-2273, 2274-2275, 2276-2277, 2278-2279, 2280-2281, 2282-2283, 2284-2285, 2286-2287, 2288-2289, 2290-2291, 2292-2293, 2294-2295, 2296-2297, 2298-2299, 2300-2301, 2302-2303, 2304-2305, 2306-2307, 2308-2309, 2310-2311, 2312-2313, 2314-2315, 2316-2317, 2318-2319, 2320-2321, 2322-2323, 2324-2325, 2326-2327, 2328-2329, 2330-2331, 2332-2333, 2334-2335, 2336-2337, 2338-2339, 2340-2341, 2342-2343, 2344-2345, 2346-2347, 2348-2349, 2350-2351, 2352-2353, 2354-2355, 2356-2357, 2358-2359, 2360-2361, 2362-2363, 2364-2365, 2366-2367, 2368-2369, 2370-2371, 2372-2373, 2374-2375, 2376-2377, 2378-2379, 2380-2381, 2382-2383, 2384-2385, 2386-2387, 2388-2389, 2390-2391, 2392-2393, 2394-2395, 2396-2397, 2398-2399, 2400-2401, 2402-2403, 2404-2405, 2406-2407, 2408-2409, 2410-2411, 2412-2413, 2414-2415, 2416-2417, 2418-2419, 2420-2421, 2422-2423, 2424-2425, 2426-2427, 2428-2429, 2430-2431, 2432-2433, 2434-2435, 2436-2437, 2438-2439, 2440-2441, 2442-2443, 2444-2445, 2446-2447, 2448-2449, 2450-2451, 2452-2453, 2454-2455, 2456-2457, 2458-2459, 2460-2461, 2462-2463, 2464-2465, 2466-2467, 2468-2469, 2470-2471, 2472-2473, 2474-2475, 2476-2477, 2478-2479, 2480-2481, 2482-2483, 2484-2485, 2486-2487, 2488-2489, 2490-2491, 2492-2493, 2494-2495, 2496-2497, 2498-2499, 2500-2501, 2502-2503, 2504-2505, 2506-2507, 2508-2509, 2510-2511, 2512-2513, 2514-2515, 2516-2517, 2518-2519, 2520-2521, 2522-2523, 2524-2525, 2526-2527, 2528-2529, 2530-2531, 2532-2533, 2534-2535, 2536-2537, 2538-2539, 2540-2541, 2542-2543, 2544-2545, 2546-2547, 2548-2549, 2550-2551, 2552-2553, 2554-2555, 2556-2557, 2558-2559, 2560-2561, 2562-2563, 2564-2565, 2566-2567, 2568-2569, 2570-2571, 2572-2573, 2574-2575, 2576-2577, 2578-2579, 2580-2581, 2582-2583, 2584-2585, 2586-2587, 2588-2589, 2590-2591, 2592-2593, 2594-2595, 2596-2597, 2598-2599, 2600-2601, 2602-2603, 2604-2605, 2606-2607, 2608-2609, 2610-2611, 2612-2613, 2614-2615, 2616-2617, 2618-2619, 2620-2621, 2622-2623, 2624-2625, 2626-2627, 2628-2629, 2630-2631, 2632-2633, 2634-2635, 2636-2637, 2638-2639, 2640-2641, 2642-2643, 2644-2645, 2646-2647, 2648-2649, 2650-2651, 2652-2653, 2654-2655, 2656-2657, 2658-2659, 2660-2661, 2662-2663, 2664-2665, 2666-2667, 2668-2669, 2670-2671, 2672-2673, 2674-2675, 2676-2677, 2678-2679, 2680-2681, 2682-2683, 2684-2685, 2686-2687, 2688-2689, 2690-2691, 2692-2693, 2694-2695, 2696-2697, 2698-2699, 2700-2701, 2702-2703, 2704-2705, 2706-2707, 2708-2709, 2710-2711, 2712-2713, 27

● 2014 年 12 月 1 日起实施

В гостях
у дедушки.
Фото
О. Кнорринга

НОВОСЕЛЫ
БЕЛОРУССИИ

Ни одна из республик Советского Союза, ни одна из европейских стран не вышла из войны с такими страшными разрушениями, как Белоруссия. Подсчитано, что ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству БССР, превышает 75 миллиардов рублей. Только в сельских местностях оккупанты сожгли и разрушили более одного миллиона двухсот тысяч строений. Целые районы превратились в «зоны пустыни». Люди, лишившиеся крова, вынуждены были жить в землянках.

Белорусский народ героически сражавшийся с врагом в годы войны, ныне борется за возрождение своей республики, ее хозяйства и культуры. Встают из пепла города и села. С помощью братских республик и прежде всего РСФСР, при огромной поддержке Союзного правительства и лично товарища Сталина, белорусы заживают тяжелые раны войны.

Партия и правительство уделяют особое внимание жилищному строительству в белорусской деревне. Этому строительству придан большой государственный размах. Лишившимся крова колхозникам отпущается бесплатно лес, выдаются кредиты. В разоренные деревни и села направлено огромное количество стекла, гвоздей, печного литья и др. Колхозы создали сотни строительных бригад. На помощь им приехали из городов бригады рабочих.

Новый, 1948 год около двух миллионов белорусских колхозников встретили во вновь отстроенных домах.

На снимке: колхозник Василий Ивков со своей семьей переселяется из землянки в новый, просторный и светлый дом, который построил для него колхоз «Октябрь», Суражского района, Витебской области (см. в номере фотоочерк «Там, где была «зона пустыни»).

Фото М. Трахмана

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Вл. ДМИТРЕВСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Народ пришел встречать Новый год в сборочный цех, где в ярком свете ламп возвышался огромный магистральный паровоз «Л».

Был он очень красив: цилиндрическое маслянисто-черное тело, освобожденное от всяких лишних деталей. Строгие, летящие вперед линии придавали паровозу выражение стремительности даже и сейчас, когда он находился в полном покое. Глухой тендер органически сливался с паровозом, еще более удлиняя его.

Паровоз был самым желанным гостем этой последней ночи декабря 1946 года, и несколько сот людей — рабочие, мастера, инженеры, конструкторы, — толпившихся перед ним, ждали рева его гудка более нетерпеливо, чем в новогоднюю ночь ждут гулко двенадцатого удара часов.

Всего три года прошло с тех дней, когда несколько стариков-литейщиков, работая под открытым небом, среди неопишемых развалин завода, буквально сорванного войной с лица земли, выдали первую плавку чугуна. Из чугуна была отлита статуя Ленина. Ее установили на центральной площади освобожденного города Бежицы вместо той, которую уничтожили немцы.

Тогда некоторым казалось, что не найдется, пожалуй, таких сил, которые смогли бы поднять из руин завод. На обширной площадке, обнесенной рядами порывавшей колючей проволоки, лежал изувеченный труп завода. Его нужно было восстановить и оживить. Такая задача требовала от строителей гигантского напряжения. По сути дела, завод надлежало строить заново.

Но Родина сказала: «Долг ваш — не только восстанавливать свой завод, но и выпускать готовую продукцию». В разрушенных цехах должны были создаваться паровозы, еще бо-

лее совершенные и мощные, чем выпускавшиеся Брянским заводом до войны.

Таким паровозом, воплотившим в себе самые передовые технические идеи советских машинистроителей, был тяжелый магистральный паровоз серии «Л», сконструированный на Коломенском заводе. Его-то и начали строить брянские паровозостроители буквально под открытым небом.

Ленин писал: «Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размахе, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами».

Брянские паровозостроители действительно сумели развернуть все свои способности и обнаружить таланты... В условиях, совершенно исключительных по своим трудностям, они не только освоили строительство паровоза нового типа, но и создали для него тендер «П-33», спроектированный конструкторским бюро в 1946 году.

И вот наступает канун нового, 1948 года. К нему деятельно готовятся в цехах, лабораториях и мастерских Брянского паровозостроительного завода.

— Что ж, опять будете встречать Новый год в гостях у паровоза «Л»? — шутиливо спросил я Петра Акимовича Ленцова, главного инженера завода.

— Ну, нет. Это уже пройденный этап, — отвечал он, улыбаясь. — Наш сборочный цех не вместил бы в своих стенах гостей, если бы мы захотели пригласить на новогодний вечер все паровозы, выпущенные заводом в 1947 го-

ду. Они уже проверены, обкатаны и, между прочим, победили в соревновании «знатного» гостя из-за океана.

Ланцов рассказал, что на сравнительных эксплуатационных тягово-теплотехнических испытаниях советский паровоз «Л» показал полные преимущества перед однотипным «ЕА», построенным в США. В одинаковых условиях эксплуатации по наиболее тяжелому профилю «Л» возил составы, большие по весу, чем «американец». Во время испытаний на затяжных подъемах наш паровоз развивал скорость, на 30 процентов большую, чем «ЕА». Паровоз «Л» развивал мощность в 2260 лошадиных сил против 1900 лошадиных сил — максимальной мощности американского паровоза и т. д.

В разговор вступил инженер-конструктор В. А. Климух.

— Разрекламированное американское паровозостроение — не более как блеф, — сказал он резко. — И жалко, что некоторые наши паровозостроители, снимая шапку перед американцами, не удосужились оглянуться назад. Возьмите хотя бы историю с сочлененными паровозами, которыми так кичится Америка. Ведь первые сочлененные паровозы были спроектированы и построены в 1898 году не в США, а именно на нашем Брянском заводе для Московско-Казанской железной дороги. В 1900 году один из них был экспонирован на Всемирной выставке в Париже, и у американских мистеров разгорелись на него глазки. Купили они у нас один такой паровоз, тщательно изучили его работу в эксплуатационных условиях и перенесли наш опыт к себе в страну.

Зашла речь о том, как завод будет встречать новый, 1948 год...

Ланцов взял со стола и протянул мне предмет, напоминающий половинку продольно разрезанного артиллерийского снаряда малого калибра.

— Это колпачок пароперегревательных элементов паровоза, — пояснил он. — И колпачок и отводы к нему раньше вытачивались. Технологи наших металлургических цехов разработали и освоили штамповку колпачков и высадку отводов пароперегревателей. Не

Я желаю...

В канун нового года принято высказывать свои пожелания. Чего желают советские люди в новом, 1948 году?

Главные наши пожелания записаны, как закон, в Сталинском пятилетнем плане.

Воля советских людей опережает время, и их стремление выполнить пятилетку в четыре года вылилось во все-народное движение, под знаком которого мы вступаем в новый год. Советский человек живет интересами своей страны, ее политикой. Его волнуют все стороны жизни и деятельности советского народа. Это большие интересы, большие желания...

Редакция «Огонька» вместо традиционного новогоднего интервью обратилась к ряду советских художников с просьбой изобразить свои пожелания к новому году. И вот что с карандашом или кистью в руке пожелали наши известные мастера.

Я ЖЕЛАЮ...

...чтобы бессмертный Ленин, как всегда, был с нами во всех делах, чтобы его непобедимое знамя осеняло советский народ в борьбе за счастье человечества.

П. ВАСИЛЬЕВ

велика штука — колпачок! Умещается у вас на ладони, а дело важно! Штамповка в несколько раз снижает расход металла. Но это, конечно, — не главное... Сейчас я пойду в цех, и вы, если хотите, можете пойти со мной, чтобы нагляднее представить себе грядущую встречу Нового года.

Мы прошли через проходную и оказались на территории завода. Она напоминала строительную площадку. Ровные проспекты бежали вперед, а по обеим сторонам их возмывались гигантские серые корпуса, еще не достроенные, но уже господствующие над пустыми коробками и обломками стен, раздробленных в годы войны. На пустырях лежали строительный материал и старое оборудование, замененное более совершенным и мощным.

Вот оно, это обширное светлосерое здание, под застекленной крышей, здание, занимающее 13 600 квадратных метров площади. Одних железных конструкций, изготовленных здесь же, на заводе, пошло на него до 600 тонн!

Мощный этот блок вспомогательных цехов — совсем не плохое место для встречи Нового года!

Рабочие и инженеры, готовящиеся праздновать новоселье, шутя говорили мне, что предпочтут залы блока розовому и голубому залам отличного кинотеатра, отстроенного в Бежице к 30-летию Октября.

Глядя на блок, нетрудно было мысленно дорисовать панораму полностью восстановленного и построенного по совершенно новому проекту Брянского паровозостроительного завода, чья производственная мощность к концу пятилетки будет в несколько раз превышать прежнюю, довоенную мощность завода.

Если зайти в любой из многочисленных цехов завода, поговорить с конструкторами, металлургами, технологами, встретиться с инженерами, мастерами, старыми и молодыми рабочими, откроется горячая и страстная душа завода.

Не только вернуть утерянное. Не только восстановить, но и улучшить. Не только добиться прежних производственных мощностей, но и намного превзойти их, если еще не сегодня, то обязательно завтра...

Когда главному конструктору завода Петру Ивановичу Аронову пришлось в 1944 году создавать конструкторское бюро, не было ни людей, ни библиотеки, ни необходимой литературы.

П. И. Аронов и В. А. Климук обучали молодых инженеров, не имеющих еще опыта паровозостроения. Ныне вокруг Аронова собрался крепкий коллектив талантливой молодежи: Клавдия Власовна Евсеева, Семен Захарович Косовский, Иван Иванович Меднов и др.

Это они создали экспериментальную мастерскую, подготовили кадры высококвалифицированных рабочих для нее, спроектировали тендер «П-33» к паровозу «Л». Это они — ну да, я решаюсь выдать их мечту, чтобы многие советские люди могли поднять новогодний бокал за ее скорейшее осуществление, — мечтают о создании советского паровоза совершенно особого типа, с максимально повышенной экономичностью. А ведь известно, что экономия только одного процента угля на железных дорогах сохранит государству около тридцати миллионов рублей в год!

Поднимем же за эту благородную мечту наши новогодние бокалы, друзья, и пожелаем успеха конструкторам Брянского завода!

Поднимем также бокалы за весь его коллектив... За стариков-рабочих: литейщика Ивана Михайловича Сехарова, токаря Василия Сергеевича Посылкина, фрезеровщика Василия Алексеевича Савкина, слесаря Николая Петровича Акимцева и других. За тех, кто более пятидесяти лет пробыл в строю и вооружил безграничной любовью к своему заводу и уменьем тысячи молодых рабочих, которые строят ныне завод и выпускают паровозы с красным флажком на трубах...

г. Бежица.

Декабрь 1947 года.

А жеманю...

...чтобы весной новые
тысячи тракторов при-
шли на наши колхозные
пашни.

А. ГЕРАСИМОВ

...чтобы каждый день
нового, 1948 года кре-
пился союз нерушимый
республик свободных,
сталинскую дружбу и
морально-политическое
единство советского на-
рода.

К. ЮОН

...чтобы в 1948 году на-
ша Родина салютовала
выдающимся победам на
трудовом фронте, как са-
лютовала прежде побе-
дам на фронте военном.

П. МАЛЬКОВ

ЧТО ПОКАЗАЛА ЖИЗНЬ

ПО ПОВОДУ ОДНОГО СПОРА С ЗАГРАНИЧНЫМИ ГОСТЯМИ

Фото Н. Колли

В колхозном зернохранилище. Бригадир полеводческой бригады З. М. Тышко (слева) и звеньевой В. М. Талаш проверяют качество зерна.

Весной прошлого года наш колхоз посетили две делегации — американская во главе с бывшим директором американской информационной службы в Советском Союзе господином Уиллис и английская во главе с господином Маклауд. В составе делегаций были политические деятели, специалисты сельского хозяйства и представители культуры. Фамилии всех гостей я, к сожалению, не сохранил в памяти, хотя некоторые из них могли бы запомниться уже потому, что они оказались людьми наиболее недоверчивыми и решительно во всем сомневающимися.

Собственно говоря, поводы для сомнений у наших гостей безусловно имелись. Делегации приезжали в колхоз в самую трудную для нас пору, когда на всем нашем хозяйстве сказывались последствия войны и прошлой засухи. Гости были свидетелями недовольства, фуража и многих других нехваток, слишком очевидных даже и для постороннего глаза. Они видели, в каком плохом состоянии находился колхозный скот после зимней бескормицы. Один из гостей, взглянув на конюшню, не удержался от остроты: «Разве это кони?» — сказал он насмешли-

во. — Это кошки. Они проскачат сквозь хомут, не задев его ногами». — Да, кони были в самом деле сильно истощены, и гости были вправе усомниться в том, что на таком тягеле колхоз сумеет обработать почти тысячу гектаров земли. Помнится, они только пожали плечами, услышав про тысячу гектаров. Не могу быть слишком строгим: никто из них попросту не состоял никогда в колхозе.

Гости подробно знакомились с делами артели, вникали во все отрасли хозяйства, присматривались к быту. Некоторые с пристрастием допрашивали колхозников, что они готовят на обед, с подозрением приножились к запаху борща, ощупывали одеяла, желая убедиться, есть ли под ними простыни. С тех пор всякого чересчур любознательного человека колхозники стали называть «американцем». В шутку, конечно.

В застольной беседе, за рюмкой, люди становятся откровенней. Должно быть, поэтому все самые острые споры с гостями происходили у нас за обеденным столом. Вот об одном таком споре я и вспоминаю сейчас.

Речь шла о нашем желании восстановить хозяйство артели в его довоенном виде и о возможных сроках такого восстановления. В последнем пункте мы сильно разошлись с гостями. Они полагали, что в лучшем случае нам понадобится для этого три—четыре года. Так считала, например, супруга господина Маклауд, агроном по специальности, и потому понимающая толк в сельском хозяйстве. Гости, более скептически настроенным, даже и этот срок казался слишком коротким.

Мое утверждение, что довоенный уровень хозяйства может быть достигнут нами этой же осенью, вызвало улыбки и ироническое замечание по поводу того, что вот, мол, де, смотрите, у них даже деловые люди становятся неисправимыми фантазерами. Я услышал намек на мои пропагандистские способности, излишние будто бы в моем положении председателя колхоза. Я заметил тогда, что, к сожалению, мне не довелось учиться в школе пропагандистов, но зато я прошел хорошую колхозную школу, которая позволяет мне быть оптимистом, не теряя трезвости в оценке вещей.

Признаюсь, меня удивила несколько манера некоторых наших гостей. Когда им показывали худой скот, они не находили, что это делается в целях пропаганды. Но стоило мне

займаться хотя бы словом касательно наших перспектив, гости решали, что это больше похоже на агитацию, нежели на серьезное дело. Одной деловитостью такой манеры не объяснишь.

Но вернемся к предмету спора. Говорят: время — лучший судья. Время и рассудило нас. Теперь, когда мы подвели итоги года, я могу сообщить всем нашим гостям, сомневающимся и сочувствующим: **довоенный уровень колхозом достигнут.** Хозяйство артели находится на той же высоте, на какой находилось оно в 1940 году. Мы восстановили в полях свой довоенный севооборот и сеем снова только по зяби и по парам. До войны мы засеивали 2200 гектаров земли. Теперь наша земельная площадь, освоенная под посевы, на пятьдесят гектаров больше. В 1940 году колхоз имел 250 голов скота. Столько же у нас и сейчас. Общественных и технических построек сейчас в колхозе больше, чем было до войны. В 1940 году на трудодень колхозника приходилось три килограмма хлеба, столько же выдано на трудодень нынешней осенью. Хлеба, овощей, кормов для скота колхозникам хватает больше, чем до нового урожая. За морями любят язык цифр. Этим языком я и пользуюсь, без всякого намека на пропаганду.

— Ага, — скажет кто-нибудь из рода ии во что не верующих, — колхоз-то, по видимому, показательный. Недаром его иностранцам показывают!

Во-первых, прошу не забывать о лошадях: мы их не специально для показа держали тощими. А во-вторых, просим взглянуть к соседям. Например, в колхоз имени Петровского. Он тут же, на другом конце села, и в нем вместо трех килограммов на трудодень, которые выдавали в сороковом году, выдают нынче четыре килограмма. Или в колхоз «Жовтень» села Русаково. Можно и в соседний с ним колхоз имени Сталина. Там такая же довоенная картина с трудоднями. Трудодень же, как всякий понимает, — лучший выразитель состояния всего хозяйства. Нет, к сожалению, наш колхоз «Червона Украина» не показательный, есть и более образцовые и более богатые. Но плакаться, впрочем, и нам грешно.

Недо же, однако, объяснить гостям: как так случилось, что всего за каких-нибудь полгода бедствующий колхоз, который они посетили, встал на ноги, покончил с разорением в

Председатель колхоза «Червона Украина» М. И. Винарский, автор статьи «Что показала жизнь».

Звеньевая Н. И. Ярмо с дочерью. Обе учатся: дочь готовит школьные уроки, мать изучает сельскохозяйственные науки.

хозяйстве и с нуждой в быту. А война порядком-таки разорила нашу артель. Весь скот был угнан немцами. Все машины вывезены. Много колхозных строений сожжено. Мы начинали свое послевоенное возрождение почти что на пустом месте. Только хаты, по счастью, уцелели. Засуха же, не будь мы в колхозе, могла бы оказаться страшнее войны.

Гости имели возможность убедиться, как помогло нам государство. Весной, когда казалось, что засеять поля колхозу будет нечем, когда на исходе было все: и продовольствие и фураж, — государство выдало нам в виде ссуды пять тысяч пудов посевного материала, две тысячи пудов продовольствия и тысячу пудов фуража. Неожиданные заморозки в апреле погубили посевы озимой пшеницы. Государство выдало вторую ссуду семян для пересева всей пораженной площади. Таким образом, в самое тяжелое для нас время мы сумели засеять всю пахотную землю.

Это гостям известно. Их сомнения шли по другой линии, по той, как могут изуроченные войной, не очень сытые люди, с «кошками» вместо лошадей и рухляком вместо настоящих машин поднять такое большое хозяйство и получить высокий урожай?

Действительно, напряжение требовалось огромное. Кто понимает в сельском хозяйстве, тот может представить, сколько труда надо было вложить колхозу, чтобы трижды подкормить посевы на площади в полторы тысячи гектаров, заборонять все эти поля, закатывать площади, равную 700 гектарам, укатывать бурьяны на площади в 500 гектаров. Без этого мы не получили бы настоящего урожая.

Я хочу напомнить нашим гостям, как они оценивали всходы зерновых и виды на урожай. Они были крайне удивлены, услышав, что мы собираемся получить не менее двадцати пяти центнеров с гектара на тех участках, которые мы тогда осматривали. Припоминают ли они, например, десятигектарные участки звеньевых Константина Руденко, Федора Бреуса и Нины Ярхо? Это те самые поля, с которых сведения в сельском хозяйстве гости предсказывали средний урожай не более 13—15 центнеров зерновых. Я могу сообщить теперь, что звено Константина Руденко собрало с каждого гектара по 28 центнеров, звено Федора Бреуса — по 27, звено Нины Ярхо — по 24 центнера. А всего из 33 звеньев колхоза 25 собрали почти по 100 пудов с каждого гектара.

Гости, убеждаясь воочию в том, как энергично работают колхозники, не могли, однако, понять: откуда они черпают такие силы? Меня настойчиво расспрашивали о том, какими методами заставляли мы колхозников трудиться сверх обычного. Я сказал тогда, что вопрос поставлен неправильно, что нам нет никакой нужды прибегать к принуждению. Я доказывал, что можно потребовать у колхозника выполнения установленной нормы,

скажем, на пазоте или косовице, но никто не может требовать, чтобы он выполнял полторы или две нормы, если он сам того не захочет. Полторы — две нормы — это как раз те трудовые показатели, которыми поражали гостей многие наши колхозники. Сейчас я располагаю данными за весь год. Вот они: средняя выработка по колхозу составляет 300 трудодней на мужчину, при норме в 150 трудодней, и 130 трудодней на женщину, при норме в 80 трудодней.

Сдается мне, что подобные результаты не могут быть достигнуты средствами принуждения. Гостям, я думаю, лучше чем кому-либо об этом известно. Они бывали на американских и английских заводах.

Кто и как мог бы заставить наших конюхов Дениса Будя, Тимофея Шевеля, Ивана Османа, Николая Проценко и других выхаживать скот при том остром недостатке кормов, который мы испытывали? Ведь им приходилось бесконечно комбинировать рационы, доставать где-то и неизвестно какой ценой лишней центнер сена, чтобы продержат скот до получения государственной фуражной ссуды. Я бы назвал труд конюхов в тех условиях самоотверженным. Так и с урожаем. Мы не сняли бы и половины того, что сняли, если бы наши люди безразлично относились к судьбам колхоза и действовали бы по старому принципу: «Моя хата с краю, я ничего не знаю».

Нашим гостям трудно было бы найти объяснение поступку пожилого колхозника Василия Макаровича Талаша, того самого Талаша, который вместе с тремя сыновьями сражался на фронте, проделал весь путь от Сталинграда до Берлина, где и закончил войну, передав молодым солдатам свое оружие. Сам он после того вернулся домой восстанавливать артель. Ему предложили должность заместителя председателя колхоза. Но он пожелал стать простым звеньевым, работать, как он говорил, на земле и показать молодежи, как надо добывать настоящий урожай. Талаша никто не принуждал к такому поступку. Наоборот, как мы ни убеждали его, он стоял на своем. Он взялся собрать с каждого гектара своей площади по 30 центнеров зерна — и собрал. Тогда ему снова предложили стать заместителем председателя колхоза. Он ответил:

— Я научил выращивать 30 центнеров с гектара. Теперь я должен доказать молодежи, что можно собирать 40...

Не есть ли это ответ на вопрос: откуда мы черпаем силы?

Я вспоминаю еще один эпизод из наших трудовых будней. С началом жатвы колхозные старики стали осаждать правление колхоза, требуя, чтобы их послали в поле, хотя, согласно Уставу сельхозартели, они могут не работать. Пришел Павел Хан, Харлампий Таран, Андрей Стасюк. Каждому из них давно перевалило за 70 лет. Они потребовали включить их в бригады косарей. Затем пришли Тихон Будко, Автоном Хан — 80-летние деды, тоже пожелавшие выйти в поле. Я и дру-

гие члены правления доказывали старикам, что людей для уборки хватит. Но старики и слушать не хотели. Тридцать пять колхозников в возрасте от 70 и до 85 лет добровольно участвовали в жатве, и каждый из них выработал не менее 100 трудодней.

Я знаю, что наши гости — деловые люди, что им больше понятен язык фактов, точных данных. Я готов дополнить свой ответ точными данными и фактами из прошлого и настоящего нашего села Гоголево.

До революции в Гоголево не было ни одного человека со средним образованием. За годы советской власти 200 человек из нашего села получили высшее образование и 476 — среднее. До организации колхоза у нас была начальная школа на 40 учеников с одним учителем. Теперь у нас три школы, в том числе одна десятилетка. В трех школах работают 44 учителя и обучается 1200 детей. Раньше в Гоголево не было даже медицинского пункта. Сейчас у нас есть аптека, поликлиника, больница, в которых работают восемь врачей и четырнадцать человек среднего медицинского персонала. До колхоза у нас не имели представления об электричестве. Теперь электричество не только освещает дома колхозников, но и заменяет собой человеческий труд. Восемь моторов приводят в движение молотилки, веялки, соломорезки, сепараторы и другие агрегаты. До революции лишь староста и полицейский выписывали по одной газете. Сейчас колхозники выписывают почти тысячу экземпляров газет и журналов. За последние восемь лет село дало стране 8 инженеров, 13 агрономов, 45 учителей, 35 офицеров, 5 научных работников.

Мы построили два клуба на тысячу с лишним мест. В одном из них господин Маклаут с супругой успели посмотреть постановку пьесы украинского драматурга Александра Корнейчука «В степях Украины». Помнится, супруге господина Маклаут не понравилось название одного представленного на сцене колхоза. Он назывался «Смерть капитализма». Но что же делать, если колхозная жизнь действительно убивает все темное, невежественное, по-человечески несправедливое, что присуще капиталистическому строю и что существует у нас лишь в виде не изжитых еще остатков прошлого.

Может быть, кому-нибудь из наших гостей довелось читать произведения великого кобзаря Украины Тараса Григорьевича Шевченко. Есть у него поэма под названием «Сотник». Она имеет прямое отношение к нашему селу. Шевченко, следуя в ссылку, проходил этапом через Гоголево. Его внимание привлек единственный дом, который был под железной крышей. Шевченко узнал от крестьян, что этот дом принадлежит сотнику. Так родилась поэма. Железная крыша, которую видел ссыльный поэт, оставалась единственной в селе до самой революции. А теперь в Гоголево более 500 домов, крытых железом, и ни одного сотника. Не правда ли, любопытный жизненный штрих?

Наши старики как очевидцы и пострадав-

Колхозница Г. Ф. Кудиш получает зерно по трудодням. За семь месяцев она заработала 7 центнеров хлеба, 7 — картофа, 400 килограммов овощей, 1000 рублей денег.

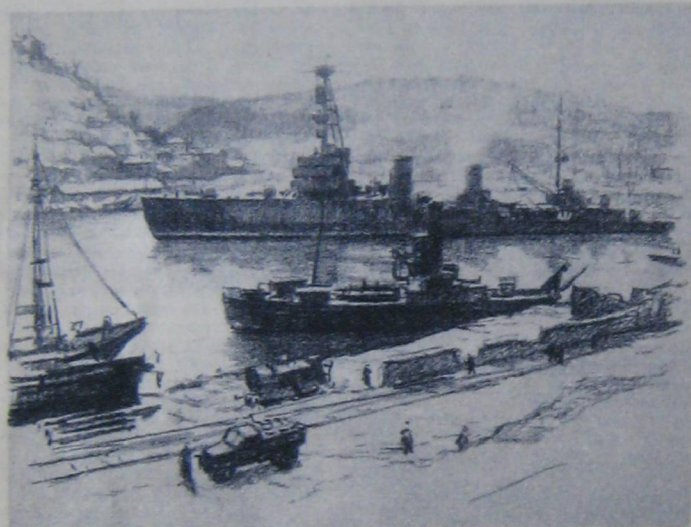
Колхозные мастера высоких урожаев готовятся к весеннему севу. Агроном В. Г. Торгунский (в центре) проводит агропеседу о выращивании высоко-сортной пшеницы.

Я мечтаю...

...чтобы в 1948 году последние раны войны были залечены всеисцеляющим трудом советских людей.

А. ЛАПТЕВ.

...чтобы встал из развалин новый Севастополь — гордость советских моряков.

Ф. БОЧКОВ.

шие, могут вспомнить историю передела земли в селе. Земля, на которой сейчас расположены наш колхоз и соседний колхоз имени Буденного, была отдана помещикам Красовскому и Вишневецкому, а крестьянам отвели бросовые земли, почти непригодные для возделывания. Крестьяне заволновались. Для «успокоения» их прибыл конный отряд жандармерии, и на сельской площади была организована массовая публичная порка крестьян. Двенадцать человек сослали тогда в Сибирь.

Я думаю, что этих данных и фактов достаточно, чтобы понять, почему крестьяне стоят горой за советскую власть, за колхозный строй и откуда они черпают силы для преодоления возникающих трудностей. Мы счастливы, по правде сказать, что капитализм остался у нас лишь на сцене театров и колхозных клубов.

Тогда же, за обедом, наши гости заявили, что они имеют представление о русском крестьянине, что они читали Толстого, Тургенева, Некрасова и будто эти великие русские писатели помогли им разобраться в характере нашего крестьянина, узнать склад его души. Мы ответили гостям, что если бы они

хотели воспользоваться этими своими познаниями, им следовало бы приехать к нам в село, по крайней мере, лет тридцать назад. Не мудрено, что такое опоздание поставило гостей в затруднительное положение. Они искали в нас то, что стало далеким прошлым. Даже самым любознательным из них не удалось заглянуть туда, куда заглядывать постороннему человеку не так просто, — в душу советского колхозника. А она могла бы открыть глаза на многое.

Мешало гостям и то, что они ставили вопросы так, будто находились не в колхозе, а в хозяйстве фермера, и оценивали события с точки зрения того же фермера. С такой меркой у нас ничего не измеришь: она слишком коротка. Нашу же мерку, мерку советского человека, гости применить не могли. Получилось, как в старинной украинской поговорке: «У лісі був, а дров не бачив».

Должно быть, отсюда все агрономические и хозяйственные просчеты гостей. Отсюда и неудачное предсказание сроков восстановления колхоза.

Я надеюсь, что один из наших гостей, гос-

подин Уиллис, поймет желание, которое побудило меня написать эту статью. Мне хотелось продолжить наш разговор. Тогда, между прочим, мы говорили о правдивости информации, поскольку беседа велась с директором американской информационной службы в Советском Союзе. Помните, господин Уиллис, как вы сказали мне, что напишете правду о нас? Вы попытались выполнить свое обещание. Но что из этого получилось? Вас попросту сместили с поста и предложили вернуться в Америку. Я читал ваше заявление в связи с этим, напечатанное в нашей центральной газете «Радянська Україна» от 19 апреля прошлого года. Вы заявили, что сотрудники американского посольства в Москве, строящие свою репутацию и карьеру на ненависти к русским, препятствовали передаче какой-либо информации в США, которая могла быть расценена как благоприятная в отношении Советского Союза. Мне таких препятствий никто чинить не будет, и я надеюсь, что эта моя статья дойдет до вас, хотя бы через наш советский журнал.

Иным способом получения правдивой информации, повидимому, ваши соотечественники не располагают. Откуда ж ей быть, если после вашего отъезда, например, наш район посетил еще один американский корреспондент. Покрутился он в колхозе, забежал на ферму, что-то спросил не очень внятное, потом выпил стакан водки и отбыл. И появилась статья с такими небывальщинами, что мы диву дались: как всевышний мог наградить человека таким свинством и бесстыдством! Хорошо, что наши люди знают пословицу: «Собака бреше на сонце, а сонце все-таки світить».

Перед отъездом гости просили меня найти способ, чтобы ответить на два вопроса: с чем придет колхоз к концу года, и что он наметит в качестве перспектив на будущий год? На первый вопрос я почти ответил. Могу только прибавить, что в октябре и ноябре у нас в колхозе было сыграно 28 свадеб. Это были пышные, по-настоящему богатые свадьбы. Причем свадебные катания мы устраивали на тех же самых лошадах, которые госты-штутники извоили называть «кошками». «Кошки» эти доставляли родственников женихов и невест за час из села, отстоящего за 15 километров. Жаль, что никому из заморских гостей не довелось прокатиться!

Еще одно давление по поводу демократии, о которой гости так много расспрашивали весной. У нас наднях проходили выборы в местные Советы депутатов трудящихся. В селе было создано 42 избирательные комиссии по выборам в сельский, районный и областной Советы. 159 колхозников, из которых 149 беспартийных, входили в состав этих избирательных комиссий. От нашего села в местные Советы избраны 32 депутата. Кто они? Стахановцы — звеньевые, бригадир, конюхи, свинарки, пахари, сеятели. Это люди, много сделавшие для восстановления и развития колхоза. Теперь они будут заботиться об этом как депутаты.

О нашей перспективе скажу коротко. В нынешнем году мы затратим на расширение и дальнейший подъем хозяйства миллион рублей. По сравнению с минувшим годом на трудодень будет выдано в два раза больше продуктов. Мы закупим новых десять моторов и механизмируем все виды производства. Колхоз приобретет еще три автомашины, построят новые коровники, свинарники, ветеринарный лазарет, еще одну баню, водопровод. С помощью государственного долгосрочного кредита мы уже приступили к организации фермы чистопородных русских рысаков и в будущем году закончим ее комплектование.

Таковы вкратце наши ближайшие планы. Как видим, время решило спор с иностранными гостями в нашу пользу. Возможно, что некоторым из них и это все покажется похожим на пропаганду. Что ж, очень хорошо, если живая действительность пропагандирует наше правое дело. Но в таком случае упрек надо адресовать не мне, а самой жизни.

Михаил ВИНАРСКИЙ,

председатель колхоза «Червона Україна», Броварского района, Киевской области.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Евг. РАТНЕР

1. ИОГАН ВЕРИТ В СВОИ РУКИ

Ни разу за всю долгую жизнь не праздновал Иоган Роосар дня своего рождения. В семье батрака Яна Роосара Иоган появился на свет седьмым. Его рождение никак нельзя было назвать праздником: седьмой рот — радости в этом мало.

Когда Иогану пошел восьмой год, отец сказал ему:

— Ты уже не маленький. Понял?

Иоган вытер нос и, стараясь смотреть отцу прямо в глаза, вымолвил:

— Понял.

Когда Иогану было за двадцать и он уже несколько лет проработал в кузнице у поме-

щика в Вирумаа волости, случай заставил его уехать в Таллин; поступил там Иоган кузнецом на вагоностроительный завод «Двигатель», женился, обзавелся семьей и решил навсегда остаться в городе. Ему нравилась работа на заводе.

— Это не лошадь подковать, — говорил он жене. — Тут настоящая работа. А потом, гляди, и в мастера выйдешь.

Иоган был коренастый, широкоплечий. У него были могучие руки с огромными ладонями. Он верил в свои руки. Иоган мог сделать все: у него была сила и любовь к труду. Уж кто-кто, а он не сомневался, что пробьет себе дорогу.

2. ЗАПИСИ В СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Старая, школьная тетрадь. Рукой, не привыкшей к перу, в ней сделаны скупые записи. Охватывают они значительный период, а занимают лишь несколько страниц. Это своеобразный дневник Иогана Роосара. Странно, но факт — кузнец вел дневник. Отнюдь не страсть к литературным занятиям толкнула его к этому. Вышло так, что человек, с детских лет привыкший к непрерывному труду, остался без работы. Слишком часто нечего было делать.

Первая запись относится к 1927 году:

«Сегодня мне — сорок пять. В мастера так и не вышел. А когда-то думал: в сорок обязательно буду мастером. Какое там! «Двигатель» продали на железный лом. Такой хороший завод — на железный лом. Когда я пришел на него, там работало 4 тысячи чело-

век. Потом осталось семьдесят рабочих. А теперь продали завод на лом, и я стал безработным. Зот уже второй месяц, как ежедневно обхожу все заводы города».

Запись, сделанная через год:

«Сезон поработал на строительстве дорог. Кузнецы нигде больше не нужны. Я готов стать хоть трубчистом».

Вот что писал Иоган Роосар в 1933 году:

«Мне уже за пятьдесят, а приходится бегать, как мальчишке. Иногда в газетах появляется объявление, что требуется рабочий. Толпы безработных дежурят возле контор. Когда газетчики выносят газеты, мы набрасываемся на них и прямо-таки вырываем газеты. Часто нет того, что нам нужно. А если есть, тогда наперегонки бежим к заводу. Пер-

вым мне ни разу не «посчастливилось» прибегать. До каких пор это будет продолжаться! Тридцать четвертый год!»

«Имел две работы — в железнодорожных мастерских и на морском заводе. 7 месяцев и 16 дней работал. Теперь снова без дела. Хорошо, что хозяин согласился принять в рас-срочку плату за комнату, правда, за это я ему заменяю дворника. Выросли сыновья, уже могли бы приносить пользу для семьи. Так где им найти занятие, если я, старый кузнец, не знаю, что со своими руками делать? Что ж это такое, неужели и сыны мои будут так мучиться, как я?»

Запись, сделанная в 1935 году:

«С Эрихом, Иоганом, Юрием и Энделем хожу на вокзал. Носильщики ругаются, говорят, мы у них работу отбиваем. Это правильно, но что делать? Больше всего мне жаль ребят. Хотя бы как-нибудь пристроить их. И сколько рабочих людей, таких, как я, вот так же мучается! Когда-то один умный человек говорил: «Собрались бы все рабочие люди, дали бы хозяевам по шапке и взяли бы все в свои руки: и заводы и землю».

3. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

В начале 1940 года в Эстонии все грозней нарастала волна народного гнева против буржуазных порядков. Рабочие понимали, что приближается час, который они так долго ждали. В это время Иоган Роосар неожиданно встретился с человеком, которого он не видел несколько десятков лет.

Это было на большом рабочем собрании. Иоган немного опоздал. В переполненном людьми помещении он уселся в уголке и начал слушать седовласого человека, говорившего спокойным, ровным голосом:

— У многих из нас целая жизнь за плечами. А разве мы жили? Прозябали мы. Прозябали без радости, без света, без надежды. И хотя

А желают...

...чтобы 1948 год стал большим годом нашей истории — новой вехой в нашем марше в будущее, на нашем пути к коммунизму!

П. КОРИН

...чтобы монументом в честь городов-героев страна запечатлела бессмертный подвиг народа в Великой Отечественной войне.

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ

родились мы с вами десятки лет назад, мне кажется, что только еще предстоит день нашего рождения. И он близок, этот день, когда мы твердо стоим на своей земле, как настоящие, полноценные люди.

Чем больше слушал Иоган, тем настойчивее сверлила голову мысль: где он видел и слышал этого человека? Где? И вспомнил. Вспомнил и улыбнулся, потому что всегда приятны воспоминания о молодости, какой бы тяжелой эта молодость ни была.

После собрания Иоган подошел к говорившему.

— Вы не племянник старого кузнеца Хермана?—спросил он.

— Нет, не было у меня такого дядюшки.

— Значит, я ошибся. Приезжал к нам когда-то давно в Вирумаа восточный молодой человек. Херман говорил, что это его племянник. Там его и арестовали. Показалось мне, что это вы. Давно это было, мог ошибиться.

— Нет, стойте, в Вирумаа восточный меня действительно когда-то арестовали. Да, да, у кузнеца, забыл только, как его зовут. И вы были у него? Да, тогда, конечно, не было у вас этих морщин, седины. Ведь мы с вами почти однолетки... Ну, как вы жили, как живете?

4. О ТОМ, ЧЕГО НЕ МОГЛО БЫТЬ ПРЕЖДЕ

Этот день — самый памятный в жизни Иогана Роосара — начался обычно. Утром, как всегда, вместе с Энделем он пришел на завод. В цехе, увидев старого приятеля, кузнеца Палтмана Пертеля, крикнул ему:

— Что, старина, поработаем сегодня, чтобы железо все время красным было?

— Да уж, конечно, а то нам краснеть придется!

Этими фразами они обменивались почти ежедневно. Старые кузнецы соревновались между собой.

К перерыву Роосар сделал две нормы и только достал из кармана бутерброд, как в цех вошло несколько рабочих с цветами. Иоган удивленно взглянул на них. Чего это они в кузнечный цех с букетами?

А женщины, широко улыбаясь, направлялись прямо к нему. Протягивали цветы.

— Поздравляем вас, товарищ Роосар, с днем рождения, с 65-летием! — произнесли они хором. — Вас зовут на митинг.

— В честь чего это митинг?

— Да в честь вашего дня рождения.

— Ну довольно, выдумщицы! — произнес Иоган. — Я этого дня никогда не праздную.

Смущенный, вошел Иоган в сборочный цех с большим букетом астр, окруженный женщинами. И только старый кузнец переступил порог, как загремели аплодисменты. И, куда бы ни повернул он голову, всюду смотрели на него радостные, улыбающиеся лица.

Значит, правда, все собралось для того, чтобы поздравить его... Иоган почувствовал спазм в горле, на его глазах выступили слезы. И некуда было ему укрыться, чтобы никто не заметил этой слабости.

Председатель заводского комитета стал на большие веса, заменившие трибуну, и, когда в цехе стало тихо, сказал:

— Митинг, посвященный 65-летию со дня рождения и 50-летию работы кузнецом нашего лучшего стахановца, товарища Иогана Роосара, считаю открытым.

И оказалось, что день рождения простого рабочего человека, который на протяжении всей своей жизни он и сам не праздновал, стал радостным событием для всего заводского коллектива.

Иоган приветствовал старые и молодые рабочие, главный инженер, юный ремесленник и даже всегда молчаливая вахтерша.

Потом прочитали приветствия от начальника Главного управления металлпромышленности Министерства местной промышленности Эстонской ССР товарища Виральды и от Эстонского совета профессиональных союзов.

В цех вбежала девушка из конторы.

— Министр просит Иогана Роосара к телефону! — крикнула она.

От неожиданности старик словно остолебенел. А со всех сторон уже неслось:

— Идите, Иоган, идите! Поговорите с министром!

По походке Роосара можно было опреде-

— Да так вот, как вы говорили, прозябал.

И работу за гроши и голодную безработицу — все узнал. Сейчас вот кузнецом на заводе «Вега». Веса делаем. Можно сказать, повезло — не выгонят на улицу. Правда, на всякий случай, хозяин каждые две недели проводит полный расчет. Сыновей тоже туда устроил. У меня их четверо: Эрих — сварщик, Юрий — слесарь, Иоган и Эндель — токари. Хозяин наш оборотистый — все время получает заказы, так что рабочих не сокращает. Но зато жмот первой марки. На всем старается нажиться. Заводские крыши в дырах — летом дождь каплет на головы, зимой снег падает. Чтобы починить, упаси бог! В холода цеха не отапливают. В помещении хуже, чем на улице. Мне-то ничего, у меня всегда жарко, а вот станочникам прямо погубил: руки к станкам примерзали. Пробовали говорить хозяину, а он: «Кому не нравится, я того не держу. На улице сколько угодно вашего брата без работы!» Если заработаешь больше, расценку снизит. В общем правильно мы говорим: народ задыхается от горя. Пора кончать с хозяевами. И то, что сила и правда на нашей стороне, — это тоже вы правильно сказали. Мы это теперь чувствуем.

лит, как он взволнован. Впервые в жизни вызывал его министр к телефону.

Через несколько минут Иоган вернулся.

— Зачем министр вызывал? — поспыпались вопросы.

— Поздравлял, — переводя дыхание, вымолвил Иоган. — «От всей души», — говорит, — поздравляю, желаю, чтобы вы прожили еще столько же, потому что настоящая наша жизнь только началась. И пусть, — говорит, — молодость у таких стариков учится, как нужно работать». Вот что сказал министр.

И снова зашумел цех, полетели одобрительные возгласы.

Потом на веса поднялся директор завода. Он был такой же приземистый и широкоплечий, как Иоган, но намного моложе старого кузнеца. На груди у него сверкали орден Славы и боевые медали.

— Приказ директора завода «Вега», — произнес он громко. — Сегодня празднует свое 65-летие и 50-летний юбилей трудовой жизни известный стахановец Иоган Роосар. Товарищ Роосар еще в июле 1947 года выполнил свой личный пятилетний план и систематически выполняет нормы не менее, чем на 300 процентов.

Дирекция завода, заводом, партийная организация и весь заводской коллектив желают Иогану Роосару много счастья, сил и здоровья, желают ему неутомимо идти вперед.

Прочитав приказ, директор подошел к старому кузнецу, обнял его и расцеловал.

— Это уже как сын поздравляю тебя, отец! — сказал директор завода Эндель Роосар.

Да, это был тот самый Эндель, младший сын Иогана, о судьбе которого когда-то так беспокоился кузнец; тот самый Эндель, который вместе с отцом и тремя братьями не так давно был здесь простым рабочим, всецело зависящим от хозяина.

В первый, короткий год советской власти в Эстонии им всем стало понятно: теперь они хозяева жизни. Когда началась война, Эндель и Юрий с благословения отца добровольно пошли на фронт.

Под Великими Луками Юрий погиб. Эндель тут же отомстил за смерть брата. Он подполз почти вплотную к немецкому пулеметчику, убившему Юрия, застрелил его и захватил пулемет. Потом Эндель был дважды ранен и демобилизован из армии.

В освобожденный Таллин он приехал, полный неисконяемой фронтальной энергии. На другой же день пошли они с отцом на завод. Завод был безлюден, наполовину опустошен.

— Тут будто в доме, где умер родной человек, — тихо вымолвил Эндель.

Когда они вышли на улицу, Эндель сказал:

— Что же, отец, нужно оживлять «Вегу»? Многих рабочих война разбросала по окраинам Таллина, но упорно разыскивали их Иоган и Эндель.

И вот завод ожил. Иоган пошел в кузнечный

цех, Эндель стал к токарному станку. Но все, что делалось на заводе, глубоко волновало Роосаров: молодого и старого.

Эндель первым на заводе начал социалистическое соревнование, и одним из первых за ним пошел отец.

Иоган Роосар предложил штамповать детали, которые всегда ковали от руки. Это увеличило производительность в 12 раз. Выступ держателя тяги весов всегда делали из целого куска металла, Иоган стал его наковывать. Это значительно упростило работу.

Он завел себе новую тетрадь и часто вечерами просиживал над ней. В простые чертежи кузнец вкладывал свой богатый опыт и горячие мысли человека, почувствовавшего, что заводу нужны и его руки и его голова.

Это чувствовал не только старый Иоган. Вся трудовая Эстония, как никогда прежде, работала, думала, училась.

После работы, обложившись книгами, подолгу сидел Эндель за столом. То, что читал он, казалось бы, не нужно было обыкновенному токарю. Но разве теперь он токар?

Живший отдельно старший сын Роосара — Иоган — пошел на курсы технорук. Средний сын — Эрих, скрывавшийся во время немецкой оккупации в лесах, поселился в центре сланцевого бассейна Кохтла-Ярве и поступил на курсы бригадиров-электросварщиков.

Каждый из них уверенно шел вперед.

И все же, когда в июле сорок шестого года Эндель назначили директором завода «Вега», старый кузнец был потрясен. Он слышал, знал, что немало рабочих выдвинуто на высокие посты, но это как-то проходило стороной, не задевая его лично.

А вскоре пришел старший сын и сказал, как о чем-то совсем обычном:

— Знаешь, отец, я уже главный инженер завода «Гелиус».

А потом пришло письмо от Эриха — он бригадир электросварщиков на строительстве сланцерегонного завода.

— Вот ведь какое время пошло! — говорил старый Иоган. — Отец теперь перед сыновьями шапку снимать должен!

Но не такой это был отец, чтобы не поспевать за сыновьями. Всю жизнь он топтался на месте. Теперь он хотел шагнуть широко и твердо.

На его глазах быстро рос и развивался завод. Под руководством Энделя впервые за долгие годы были отремонтированы все цеха. Из Москвы, с Урала и из Ленинграда пришли новые станки. В четыре раза больше, чем до войны, выходило теперь весов с маркой «Вега». И для этого немало поработал Иоган Роосар. Поработал не только руками, но и головой, потому что одним руками пятилетний план в полтора года не выполнишь.

И вот имя старого кузнеца Роосара, когда-то хватавшегося за любую работу, лишь бы не умереть с голода, имя этого человека с уважением произносят на паровозоремонтном и цементном заводах, на «Ильмарине» и «Вольта», на швейном комбинате и текстильной фабрике «Пунане Койта» — на всех предприятиях эстонской столицы. Имя это громко звучит в министерстве и в большом зале Верховного Совета республики, когда председатель Президиума Верховного Совета вручает Иогану Роосару почетную грамоту.

Поэтому и сегодня день рождения этого простого рабочего стал событием не только для его семьи, но и для всего заводского коллектива и даже для всего Таллина.

Вот стоит Иоган Роосар на больших весах, ставших непропорциональной трибуной, взвешиванный, разогнанный, потрясенный всем, что сейчас произошло, и, напряженно подыскивая нужные слова, медленно произносит их:

— Как-то один умный человек, с которым я встречался только два раза в жизни, говорил: «Хотя родился мы с вами давно, мне кажется, только предстоит еще день нашего рождения». Я, конечно, и в мыслях никогда не имел, чтобы день моего рождения так праздновали. Я даже сказать вам не могу, что это для меня... какая это для меня радость! И я, конечно, знаю, что раньше такого никогда не могло быть. Все вы это знаете. И товарищам, которые меня так поздравляли, и советской власти, которая сделала меня человеком, от меня, Иогана Роосара, большое спасибо! — старый кузнец низко поклонился.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Портрет работы И. Н. Крамского, 1873 год.

И. Н. Крамской

(1837—1887)

Один из центральных залов Государственной Третьяковской галереи посвящен творчеству знаменитого русского живописца Ивана Николаевича Крамского. В этом зале находятся широко известные портреты Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Шишкина, художника Литовченко, картины «Неутешное горе», «Неизвестная» и другие произведения Крамского, которыми по праву гордится русское искусство.

В лице Крамского национальная культура имела, говоря словами Репина, «глубокого, оригинального, истинного художника... гигантский талант и колоссальный характер человека. Внутри, в самой глубине души, горел у него светоч гения...»

Иван Николаевич Крамской родился в 1837 году в семье писца Острогжской городской управы. В 1857 году он поступил в Петербургскую академию художеств. Группа молодых художников, впитавших идеи Чернышевского, Белинского и Добролюбова, во главе с Крамским подала прошение «о дозволении свободно выбрать сюжеты» для дипломной работы. Им, однако, было отказано и предложено написать композицию на тему скандинавского эпоса. Тогда 14 дипломантов покинули академию и организовали трудовую художественную артель: они вместе жили, сообща принимали заказы и совместно занимались самообразованием.

Эта художественная артель была одним из подготовительных этапов к созданию замечательного течения в русском искусстве, получившего название «передвижничество». Крамской был одним из организаторов и идейных вдохновителей Товарищества. Передвижники продолжили идейно реалистическое искусство 60-х годов, блестяще возглавлявшееся Перовым и Крамским, и знаменовали начало нового, более высокого этапа развития национального искусства. И Перов и Крамской приняли самое деятельное участие в работах Товарищества и в этот период создали немало великолепных творений.

Крамского называли душой Товарищества. «Нужен голос, громко, как труба, провозглашающий, что без идеи нет искусства», — писал Иван Николаевич, и сам он был

именно этим «голосом», соединявшим подлинно принципиальную идейность с высоким живописным мастерством.

Более всего Крамской известен как портретист. В его портретах всегда раскрывается характер изображаемого лица, мы видим в них живого человека со всеми его достоинствами и недостатками, привычками и наклонностями.

Одним из лучших произведений Крамского служит исполненный в 1873 году портрет Льва Николаевича Толстого. Художник писал его в период создания «Анны Карениной». Притягательная сила портрета заключена в проникновенных, правдивых, умных глазах писателя. Светится в них обаяние гения и горячая, страстная приверженность к жизни.

Позднее были написаны портреты Некрасова (1877 год), художника Литовченко (1878 год), Салтыкова-Щедрина (1879 год) и другие. В каждом из них глубокое благородное содержание сочетается с высокой живописной формой. И в каждом из них бьется взволнованное, трепещущее, честное сердце Крамского.

В произведениях Крамского встречаются и крестьянские образы. Известен его «Лесник», о котором Крамской писал, что это «...один из тех типов (они есть в русском народе), которые многое из социального и политического строя народной жизни понимают своим умом и у которых глубоко засело неудовольствие, граничащее с ненавистью». Крамской писал, далее, что такие люди могли примыкать к восстаниям Разина или Пугачева, они не могли и не могут мириться с действительностью. В народе Крамской искал волевых, сильных людей, положительных образы.

Умер Иван Николаевич в 1887 году. С его автопортрета смотрит на нас лицо тонкого художника и пытливого мыслителя, с которого в значительной мере «списан» Львом Толстым в романе «Анна Каренина» художник Михайлов. Так же, как и Михайлов, Крамской умел угадывать в человеке «душевное выражение».

Передвижничество сыграло огромную роль в истории русского изобразительного искусства. Нестеров заслуженно называл Крамского «разумом передвижничества».

Перелистывая
газеты

И. Вдовин

Вступая в Новый год, принято вспоминать о событиях года минувшего. Последним и ны этот праздник.

Уже слезка помаленьку старинный газет за 1 января 1947 года рассказывает о том, как начался этот ушедший в прошлое год, что произошло в его первый день.

Вступило в силу соглашение об экономическом объединении английской и американской зон оккупации Германии.

Франко, выступая по радио, поблагодарила всех тех вне Испании, которые помогли нас и по-настоящему.

В Астурии, Галисии, Каталонии и других провинциях Испании шли бои партизан с фалангистами.

Угольные шахты Англии официально перешли под государственную контроль.

Французское правительство объявило о снижении цен на 5 процентов.

Итальянский премьер де Гаспери объявил Всейобщей итальянской конфедерации труда принять ее предложения по улучшению производственного положения и по борьбе с дороговизной. В связи с этим ВИКТ призвал трудящихся Кавендиши и Катанзаро отменить назначенную на 2 января забастовку.

На Яве и Суматре шли бои между индонезийцами и голландскими войсками.

В Индокитае, близ Сайгона, брошены корабли прибывший из Франции военный транспорт «Гастери» с подкреплениями для армии, сражающейся против Вьет-Намской республики.

В Фессалии, Эпире, Македонии и других районах Греции шли бои между партизанами и монархистами.

Две бригады гоминдановского генерала Ху Цзун-наня начали наступление на центральный пограничный район Шенгис-Ганьсу-Нинся.

Газеты освобожденных районов Китая опубликовали выступления главнокомандующего народно-освободительной армии Джун Дэ, который призвал остановить в 1947 году наступление гоминдановских реакционеров и вернуть захваченные территории.

В Белградских газетах появился отчет о первом дне процесса над шпенской группой, находящейся на службе у американской разведки. Среди обвиняемых — бывший премьер югославского правительства в эмиграции Трибунович.

Георгий Димитров обратился к новоготским посланцам к народу, в котором заявил: мы встречаем новый год с глубокой верой в единство славянских народов и с чувством благодарности к великому русскому народу, который является нашим освободителем.

Таких далеко не полный перечень событий первого дня сорок

седьмого года. Теперь мы знаем их продолжение.

Экономическое объединение англо-американской зон оккупации Германии, которое пытались изобразить как шаг к созданию единой Германии, в действительности оказалось шагом к ее расколу. США, а вместе с ними Англия и Франция сорвали Лондонскую сессию Совета Министров иностранных дел и тем окончательно разоблачили свои стремления не допустить создания единой Германии, отделить западногерманское государство, превратить его в колонию, а военно-экономическую базу Америки в Европе. Западной Германии отведено почетное место в «кляне Маршалла». Для недавних союзников по оружию — Польши, Югославии, Албании — у законных «друзей» нет ни займов, ни хлеба, ни оборудования.

Дабы не скомпрометировать своих покровителей, Франко облек новоготские коммюнисты в туманные формулы. Но сколько бы он ни напускал тумана, всем ясно: те кляне Испании, которые помогли нас и помогли нам, — это прежде всего англо-американские реакционеры. Они притяли Франко за шит преловитого принципа «невмешательства». В свое время с помощью «невмешательства» Франко пришел к власти. Теперь это испытанное средство помогает ему удерживать власть.

Раньше говорили «комедия невмешательства». Правильнее сказать «трагедия невмешательства». Ведь испанскому народу приходится кровью расплачиваться за это «невмешательство». И все же народ остается верным своей клятве: «Лучше умереть, чем жить на коленах!» — и продолжает борьбу. В последние дни сорок седьмого года партизаны Астурии, Валенсии и Эстремадуры наносили фалангистам удары более сильные, чем год назад.

Первого января 1947 года в Англии над угольной шахтой близ Честерфилда был поднят синий флаг с белыми кикладскими НУУ — «Национальное управление по вопросам угля». Гремели оркестры, и ораторы из числа правых лейбористов рассказали в своей верности интересам трудящихся. Еще бы! На прозе-

денки национализации шахт они рассчитывали нажить неплохой политический капитал. Принеципально иное — национализация оказалась выгодна и самим шахто-владельцам. Старые шахты требовали коренного переоборудования, в перспективе было очень много расходов и мало доходов. Лейбористы вырвали шахто-владельцев: им выплачивают колоссальный выкупной куш — в размере многих миллионов фунтов стерлингов. А миллионы эти, так же как и расходы на переоборудование шахт, двойным бременем легли на плечи трудящихся. Орган лейбористов газета «Дейли геральд» поместила 1 января 1947 года фотографию английского шахтера с подписью архиепископа Букавски: «Он ждал этого 50 лет. Но в действительности английские шахтеры ждали далеко не этого».

В своей предвыборной программе лейбористы обещали провести национализацию и сталелитейной промышленности. Но биркингтонские магнаты не желали выпустить из своих рук эту основу основ английской промышленности. Когда лейбористские лидеры в парламенте заговорили о национализации сталелитейной промышленности, с консервативных скамей последовал сердитый хозяйский окрик. И «социалисты», поглядывая направо, невольно заборнотали о том, что они-де попрежены за национализацию сталелитейной промышленности, но что сейчас она «несвоевременна», что нужно дополнительно изучить вопрос, дожидаться «подходящего момента».

От английских любителей «славных слов и правых дел» не отставали и мжуущем году и из французские единомышленники — социалисты по имени, буржуазные лакеи по профессии, демагоги по методу работы. В своей новоготней речи по поводу объявленного снижения цен на 5 процентов Блюм, обращаясь к народу, с наглым нафосом заявил: «Новость, которую я вам сообщил, — действительно великая новость. Правда, он тут же счел за благо признать, что эта «великая новость» у многих вызовет лишь скептический улыбку. Интересно, что скажет Блюм теперь! Французские социалисты обещали

К ПРЕБЫВАНИЮ В МОСКВЕ
ДЕЛЕГАЦИИ СОЮЗА БОЛГАРО-
СОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ

В Москву по приглашению ВООКС прибыла делегация Союза болгаро-советских обществ во главе с главным секретарем Союза Ветром Димитрием. Делегация посетила выставочный комбинат Трестовой конфектуры имени Ф. Э. Дзержинского. На сцене (справа налево): заместитель председателя Союза Георгий Ангелов, авторский артист рисовальщик Стефан Максимовский и председатель Болгаро-советского общества города Варны Нечко Николов среди воспитанников детского сада комбината.

Фото А. БАТАЗОВА (ТАСС)

Много военных транспортов прибыло за минувший год из Франции в Вьет-Нам. Каждый день этой бессмысленной для французского народа войны обходится Франции в 100 миллионов франков. В конце декабря 1947 года были утверждены дополнительные военные кредиты. Их общая сумма увеличилась почти до 250 миллиардов франков. Но франки против народа, защищающего свою свободу, так же бесполезны, как и доллары и фунты. Вьет-Намская республика живет, продолжает строить новую жизнь, борется за свою независимость. И она отстоит ее.

Один за другим бесславно кончились весеннее, летнее, осеннее и зимнее «генеральные» наступления греческих монархистов против партизан. Каждое из них широкообещательно именовалось «последним». Но последним оно оказывалось лишь для поедателей, сраженных партизанской пулей. И хотя на подмогу английским инструкторам прибыл посланный Тримэном «гражданский» и военный персонал, хотя монархисты получали оружие и миллионные займы от своих богатых хозяев, хотя за одно сочувствие партизанам людям приходилось идти на пытку и на смерть, число партизан за год выросло в десять раз. Надвигаясь на освобожденной территории Греции создано Временное народно-демократическое правительство во главе с главнокомандующим партизанскими силами генералом Маркосом.

Для американских империалистов минувший год был годом несбывшихся надежд. Долларовая дипломатия показала свою несостоятельность: на доллары, оказалось, можно купить политиканов, но не народы. Не оправдались упования и на новое устрашающее божество — атомную бомбу. Жрецы этого божества очутились у разбитого корыта, когда на весь мир прозвучали слова В. М. Молотова о том, что секрета атомной бомбы «давно уже не существует».

Провалились и все англо-американские попытки надеть старое, империалистическое ярмо на страны новой демократии. Были раскрыты и обезврежены шпионские гнезда. Понес заслуженное наказание американский шпион Трифунович. Вслед за ним были осуждены предатели Петков, Манину и другие. Была сорвана маска с Надь Ференца, который, выступая в парламенте против загворщиков, встречался с ними на конспиративных квартирах. Опасаясь разоблачения, бежал из Польши и Миколайчик.

Опираясь на поддержку Советского Союза, страны новой демократии успешно преодолевают послевоенные трудности. С каждым днем крепнет несокрушимое единство славянских народов.

Минувший год показал, что силы демократии крепнут и растут во всем мире. Это видят все — одни с неприязнью, другие с радостью. Но, видимо, не все понимают, что изменить ход истории нельзя ни займами, ни атомной бомбой, ни кнутом, ни пряником.

Рисунок Бор. Ефимова

Новогоднее катание

С трескучим шумом
Мчится «виллис».

Владелец «виллиса» богат.

За этот «виллис»

Уцепились

Шуман, Шумахер, Сарагат.

Шофер стремителен и гневен,

Властолюбив, нетерпелив.

Его поддерживает Бевин,

Руками сзади обхватив.

Ревет мотор, дыша бензином.

Ему Шумахер одолжил

В придачу к силам лошадиным
И несколько ослиных сил.

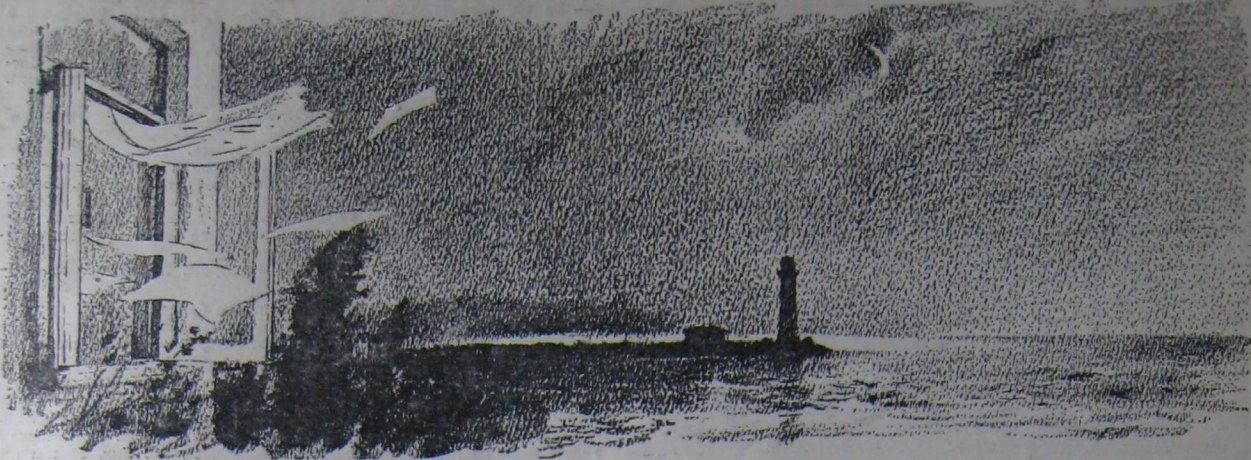
Крича народам:

«С Новым годом!» —

Шофер несется полным ходом,
Бросая доллар, как лассо.

«Нет, — говорят ему народы, —
Не продадим мы вам свободы.
Попридержите колеса!»

С. МАРШАК

Чужие рукописи

Рассказ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Кончался декабрь. С севера пришел шторм. Море ревело и не давало спать по ночам. Писатель Лобанов читал почти все ночи напролет. Он перечитал все те немногие книги, что у него были, и, наконец, взялся за чужую рукопись. Ее принес Лобанову незнакомый пожилой человек по фамилии Королев — начальник пристани в том городке на Кавказском побережье, где Лобанов проводил сейчас зиму.

Лобанов неохотно взглянул на первую страницу, но начало рукописи удивительно совпадало с тем, что происходило вокруг. Лобанов заинтересовался и начал читать дальше:

«Весь месяц дул холодный ветер, лил дождь, и почти каждую ночь проходила над морем гроза. Медленные молнии освещали огромные валы, бившие в берег, голые платаны за окном и мою комнату, похожую на каюту.

При каждой вспышке молнии сверкал на столе осколок дымчатого розового стекла. Я как-то подобрал его на пляже. Просыпаясь среди ночи, я смотрел не за окно, где бушевало море, а на то место стола, где, как я знал, лежит этот осколок. Я ждал. Внезапно осколок загорался розовым светом, и мне нравилось думать, что это расплылся у меня на столе мгновенный цветок. Молния гасла, мрак прижимался к стеклам, но мне все казалось, что розовое пламя еще догорает на столе. Этот короткий блеск помогал мне думать. А передумать нужно было многое, потому что жизнь уже перевалила за половину, но я не хотел сдаваться. Чаще всего я думал о том, что нельзя уйти без следа из этого хорошего мира. Но как оставить след, если я человек, не одаренный никакими талантами, кроме отчаянного пристрастия к жизни?

А между тем я многое знаю, люблю литературу, но все это лежит мертвым грузом, и, пожалуй, за всю свою жизнь мне не удалось ни с кем как следует поговорить об этом.

Где-то я вычитал, что композитор Григ встретил весной в горах маленькую девочку, такую трогательную и веселую, что Григ написал для нее одну из своих лучших симфоний. А вот мне никак не удается встретить такую девочку. Ради нее я мог бы написать рассказ, чтобы передать и ей, когда она подрастет, и всем окружающим мои мысли, замыслы и наблюдения. Мне всегда очень хотелось этого. Сейчас у меня есть какая-то глупая уверенность, что в этом моем первом рассказе я, хотя бы отчасти, добился того, чего так хотел.

Когда Лобанов дочитал рукопись до этого места, налетел шквал, и тотчас погасло электричество. Очевидно, ветер оборвал провода. Шквал встряхнул дощатый дом, как встряхивают за плечи человека, чтобы заставить его опомниться. Дом затрещал, галька со звоном хлестнула в стекла, заклопали двери, и за порогом закричал и зацарапался котенок, испуганный всем этим шумом.

Лобанов встал, чтобы выпустить его, и взглянул за окно. Седые разливные пены стремительно подкатывались к стенам дома и тотчас уходили в темноту, грохоча убегающей галькой. Больше за окном ничего не было видно. Ветер гулял по комнате и шевелил чужую рукопись.

С некоторых пор Лобанов начал бояться чужих рукописей. Почти всегда это были длинные исповеди. Но не это его пугало. Ему было страшно, прочитав рукопись, сказать человеку: «Пишите дальше». Рискованно было толкать человека на тяжелый труд выражения самого себя. Этому нужно было отдать жизнь. Но хватит ли ее? И сил? Хватит ли жестокости к себе, чтобы понять и преодолеть первоначальную скудость слов? Если хватит, то прекрасно. А если нет? Что тогда?

Но на этот раз Лобанов ошибся. Хотя рукопись и была, очевидно, «исповедью», начиналась она хорошо.

«Чего же он хочет? — думал Лобанов, лежа в темноте. — Оставить след в сердцах людей? Может быть, эта рукопись и переживет его. Кто знает!»

Второй шквал ударил в дом с силой взрывной волны. Крючок на двери сломался. Дверь отлетела и ударила в стену. Треснуло и распахнулось окно, и плотный поток воздуха выдул, казалось, все, что было в комнате. Упала ваза с цветами, полилась вода, листья рукописи взлетели со стула около кровати и исчезли за окном.

Лобанов поймал налету одну страницу. Он засунул ее под подушку, вскочил, накинул пальто и вышел в сад. Ветер, свирелея, гнул к земле кипарисы. Мокрые листья били по щекам, и ничего не было видно вокруг. Потом Лобанов заметил, что под окном что-то мутно белеет. Он подошел. Это была страница из рукописи, наглухо припечатанная ветром к густым кипарисовым веткам. Лобанов отодрал ее от дерева и унес в дом.

Только вернувшись к себе, он понял, что случилось. От рукописи ничего не осталось. Он долго просидел на кровати, упершись локтями в колени и опустив на ладони голову. Что он скажет теперь Королеву? Лобанов знал, что вина за ним нет, но что он скажет! Как он не догадался, что шквал может распахнуть окно!

Утром ветер разорвал в клочья тучи и прижал их к побуревшим горам. Дождя не было. Море стихало. Как только рассело, Лобанов пошел далеко по берегу в ту сторону, куда дул ночью ветер, но не нашел ни одной страницы рукописи.

Лобанов решил тотчас идти на пристань, в морское агентство, и рассказать обо всем Королеву. Но, как все слабовольные люди, он начал медлить: долго мылся под душем, тщательно одевался, выкурил несколько папирос и только после этого вышел, наконец, на шоссе и пошел к пристани.

На половине пути до пристани отвлекаясь дорога в ущелье. Лобанов постоял на перекрестке, подумал и пошел по этой дороге. В ущелье лежал туман. С облетевших тополей, стоявших по обочинам дороги и заросших плющом, слетали капли.

Лобанов любил эту дорогу. Сначала тянулись пустынные сады. В них доцветали побледневшие от ветров хризантемы. Сладковато пахло лиственной мушмалы. Потом на повороте показался сухой узловатый дуб. С его ствола свешивались желтые виноградные листья. За поворотом шумел между камней поток. Вода в нем была голубая и на перепадах

прозрачная. Через поток был переброшен каменный мост с высокой аркой. Мост зарос мхом, желтыми лишаями и маленькими сухими ромашками.

На парапете моста сидели две молодые женщины и плотный мужчина в берете. Лобанов узнал его издали. Это был его приятель художник Журавский.

Рядом с ним сидела его жена Аннушка, очень черная, худая, в простом платке. Вторую женщину Лобанов не знал. Он заметил издали ее волосы с медным отблеском, и когда подошел поближе, — серые спокойные глаза.

За мостом на склоне горы белел дом, где жили Журавские. Лобанов подошел, поздоровался. Журавский познакомил его с молодой женщиной:

— Это наша москвичка. Художница. Нина Потапова.

— Вы что же, недавно приехали? — спросил ее Лобанов.

— Да, — ответила Нина, не глядя на Лобанова; она бросала в поток сухие ветки и смотрела, как их уносит водой. — Только что приехала и уезжаю. Завтра же.

— Что ж так?

— Слякоть, холод! — ответила Нина и пожала плечом. — Я уже здесь неделю и ни разу не видела солнца. Это скучно.

— А что ж, в Москве сейчас лучше?

Нина подняла глаза, удивленно взглянула на Лобанова и спросила:

— А вы почему сердитесь?

— Сердись — не сердись, — пробормотал смущенно Журавский, —

но и мы, Миша, тоже уезжаем. Раньше времени, конечно... Понимавший, сырость. Получается чепуха.

— Эх ты, художник! — тихо сказал Лобанов, глядя на Журавского сужившимися злыми глазами. — Ты видел, какой тут воздух во время штормов? Совершенно зеленый. А туманы! А ночи! Я часто встаю ночью, выхожу на веранду и слушаю море. Беспредельный шум, и беспредельная тьма. Теплая, крошечная. Комнатный ты человек, Сережа, вот что! Курортник!

— Это и ко мне относится? — спросила Нина.

— Как вам будет угодно.

— Спасибо, — промолвила Нина и усмехнулась.

— Извините, — сказал, горячась, Лобанов, — но я не могу этого понять. Этой вашей слепоты на вещи, по существу, прекрасные. Все хорошо — и дождь, и ветер, и вот эти облака в ущелье. Все!

— Вы что-то раздражены сегодня, Миша, — заметила Аннушка.

— Да, — согласился Лобанов. — Этой ночью со мной случилась невероятная чертовщина.

Он рассказал о рукописи, унесенной ветром. Журавский завопил.

— Господи! — воскликнул он. — Что же ты будешь делать?

— Представь, Сережа, — сказал Лобанов, — начало рукописи очень интересное. Должно быть, и человек этот интересный. Необыкновенный какой-то начальник пристани.

— Необыкновенные люди бывают только в книгах, — небрежно заметила Нина. — И в воображении писателей. Я уверена, что это самый обыкновенный человек. И к тому же неудачник. А вам зсуду чудятся... как это сказано... «Одиссеи во мгле паровых контор». Чем больше я узнаю наших мужчин, тем сильнее убеждаюсь, что они, совсем как мальчишки.

— Что ж тут плохого? — испугалась Аннушка. — Пусть будут мальчишками.

— Я не знаю, сколько вам лет, — сдержанно сказал Лобанов Нине. — Думаю, что не больше тридцати. А мне уже сорок пять. Но я все-таки ощущаю себя семнадцатилетним. А вы?

— Это не интересно!

Нина встала, обняла Аннушку за плечи и засмеялась.

— Ладно! — сказала она вызывающе. — Давайте останемся еще на несколько дней. Как ты думаешь, Аннушка? И, может быть, за эти несколько дней товарищ писатель откроет мне прелесть этой мокрой зимы. Я буду ему очень признательна.

— О, господи! — вздохнул Журавский. — Не успели познакомиться — и уже ссорятся. Что за люди, ей богу! Значит, остаемся, Аннушка?

— Ну что ж, останемся, — согласилась Аннушка. — Встретим у нас Новый год. Хорошо, Миша?

— Чудесно! — обрадовался Лобанов. — Прямо чудесно! Новый год у моря. В горах.

— Знаете что, — сказала Нина, — позовите на Новый год этого вашего начальника пристани. Он семейный?

— Не знаю. Кажется, нет.

— Позовите. Чтобы загладить хоть отчасти вашу вину.

— Никакой моей вины нет.

— Ну, хорошо. Тогда мне просто интересно посмотреть на человека, которого вы считаете необыкновенным.

— Идет! — согласился Лобанов. — В общем, вы совсем не такая, какой хотите себя показать.

— Нет, такая, — упрямо сказала Нина. — Именно такая!

Лобанов помолчал.

— Вот что, Сережа, — сказал он умоляюще и покраснел, — пойдем сейчас к Королеву. Вместе.

— Если тебе так будет легче... — пробормотал Журавский. — Пожалуй, пойдем.

— И мы с вами, — сказала Аннушка и встала. — Не бойтесь. Мы посидим в парке, пока вы с ним будете объясняться.

Всю дорогу до пристани Лобанов молчал. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он отвечал невпопад. Наконец, вышли на пальмовую аллею на берегу. Далеко в море лежала серебристая полоса воды, там сквозь пелену облаков пробивалось солнце.

— Вы оба так волнуетесь, что на вас жалко смотреть, — насмешливо сказала Нина. — Хотите, я пойду к нему вместо вас.

— Нет, зачем же, — неуверенно возразил Лобанов.

— Ну уж, ладно! Подождите здесь, на этой скамейке. Эх вы, мужчины!

Она усмехнулась и быстро пошла к низкому белому зданию морского агентства.

Нина долго не возвращалась. Лобанов, сидя на скамейке, поглядывал на двери агентства. Наконец, она вышла. Он заметил издали ее светлое, легкое пальто. Слабый луч солнца упал на землю, и под этим лучом вдруг вспыхнули нинины волосы.

Нина поправила волосы и чему-то улыбнулась.

— Ну что? — спросил Лобанов, когда она подошла.

— Да ничего. Дайте мне папиросу.

Она закурила и неохотно сказала:

— Сначала он растерялся. Но потом обошлось. Уверяет, что все это пустяки. Очень вежливый человек. Черновика у него нет, но он говорит, что это не имеет значения.

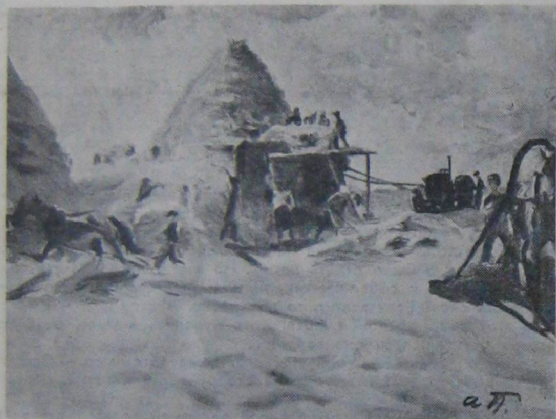
— Какой он? — спросила Аннушка.

— Седой. Я плохо рассмотрела. Там темно.

— Необыкновенный? — усмехнулся Журавский.

— Не знаю, — медленно ответила Нина. — Не знаю, — повторила она. — Просто человек в старом морском кителе. Я пригласила его на завтра. Он придет.

Я мечтаю...

...чтобы поэзия и красота труда были воспеты нашими художниками.

А. ПЛАСТОВ

...чтобы труд колхозников увенчался в 1948 году рекордным урожаем на всех полях страны.

А. БУБНОВ

Утром Лобанов проснулся и прислушался. Море молчало. Лобанов вскочил, вышел в пижаме на веранду и засмеялся: мглистый синеватый штиль лежал, колыхаясь, над морем. Прозрачная вода чуть подымалась и опадала, покачивая коричневые листья магнолий, но ни одна волна не плеснула о берег.

В ясной и бесконечной синеве низко сверкала солнце. Все в пятнах солнца и дымных тенях, уходило к северу мощным изгибом знакомые горы.

Желтая бабочка села на перила веранды, распластала крылья и замерла: уснула от теплоты.

Лобанов прищурился.

— Боже, какая голубизна! — сказал он громко. — Можно ослепнуть!

Он вдохнул всей грудью воздух и покачал головой, — в воздухе была целебная, чуть прогретая солнцем свежесть. Недавний шторм выдул весь сладкий угар, застоявшийся в мандаринниках, и затопил побережье потоками озона.

— Вот тебе и тридцать первое декабря! — сказал Лобанов. — Какая прелесть!

Весь короткий солнечный день ушел на веселую возню перед встречей Нового года. Лобанов ходил с Аннушкой на базар и, чертыхаясь, тащил оттуда в дом к Журавским бутылки с вином, орехи и сыр «сулугуни». К вечеру Лобанов лег отдохнуть, уснул, а когда проснулся, — высоко над побледневшим морем висел нежный серп месяца.

Лобанов взглянул на месяц, ахнул и пошел умываться.

Пришел он к Журавским поздно и застал уже там Нину и Королеву.

— Вот, — сказал Лобанов, смущенно здороваясь с Королевой, — какая нелепая вышла история. У вас хорошая память?

— Да, неплохая, — ответил Корольев; голос у него был глуховатый. — А что?

— Вы не сможете по памяти восстановить все, что писали?

— Не знаю. Очень трудно, конечно.

— Мне безумно хочется знать, что было у вас в рассказе. Я успел прочесть только одну страницу. Но это очень здорово!

Корольев улыбнулся:

— Если хотите, я могу рассказать. Но это тоже трудно.

— Расскажите, — попросила Нина. — Непременно!

На ней было вечернее платье, длинное, до полу, из мягкого черного бархата. В этом платье она казалась выше и бледнее.

— Потом, — ответил Корольев.

— Когда потом?

— Если придется к слову. До Нового года осталось несколько минут.

Сели за стол. Он напоминал низкорослый сад. На нем было расставлено так много цветов и набросано столько веток, что блюда с закусками и бутылки терялись в их таинственной чаще.

За минуту до полуночи Нина погасила свет. Тотчас яркое сияние месяца возникло на потемневшем небе и стало слышно, как в ущелье мягко шумит, переливаясь по мшистым камням, горный поток.

— Зачем это ты? — испуганно спросила Аннушка.

— Так, мне кажется, лучше.

Лобанов вглядывался в полумраке в Королеву. Журавский откупорил бутылку шампанского и разлил вино по стаканам: бокалов не было. Шампанское слабо светилось. Корольев взглянул на часы на руке:

— Ровно двенадцать. Есть примета: с кем встречаешь Новый год, с тем долго не расстанешься.

— Выпьем за это, — предложил Журавский.

— Потом, — сказал Лобанов. — Сначала выпьем за нашу великолепную страну. Ей мы обязаны всем.

Пили за Новый год, за счастье. Начался шум. Лобанов предложил выпить за Черное море. Вышли со стаканами на балкон. Он висел в воздухе над дымной и глухой синевой, и над этой синевой стоял печальный месяц. Лобанов не сразу понял, что эта синева — ночное море.

— Где мы? — спросила Нина. — Я ничего не понимаю. Откуда так тянет теплом?

— От моря, — ответил Корольев.

— В такую ночь всегда ждешь необыкновенного, — неожиданно сказала Нина.

Лобанов засмеялся:

— Остановка только за тем, чтобы это необыкновенное придумать.

— Выпьем еще, — серьезно сказал Корольев, — и тогда я вам кое-что предложу.

— Слушайте, Корольев, — Нина глухо засмеялась, — вы, действительно, странный человек.

— Ничего не странного! — закричал Журавский, схватил Королеву за плечи и сильно встряхнул. — Он симпатяга! Я сразу это понял, как только он переступил порог. Он поэт. Я отвечаю за свои слова. Признайтесь, что вы пишете стихи.

— Нет, — ответил из темноты Корольев. — Стихов я не пишу. Куда там!

— Чепуха! — снова крикнул Журавский.

— Слушай, Сережка, — сердито сказал Лобанов, — замолчи, ради бога! Если понадобится, то мы тебя вызовем.

— А что вы любите больше всего? — вдруг тихо спросила Нина.

Корольев молчал. Нина выпрямилась в кресле, подалась вперед и смотрела в лицо Корольеву.

А жаль...

...чтобы реки были богаты уловом, а люди — силой.

С. ГЕРАСИМОВ

...чтобы в наступившем году отстроились все пострадавшие в войне деревни.

Д. ТЕГИН

— Многое, — ответил, наконец, Корольев. — Но, пожалуй, больше всего «Для берегов отчизны дальней».

— Прочтите!

— Я плохо читаю.

— Прочтите сейчас же!

— Нина! — испуганно сказала Аннушка. — Что ты чудишь!

— Ну, хорошо, — согласился Корольев.

Он начал читать, облокотившись о перила и глядя на море, где далеко, на самом краю ночи, шел пароход и нес неяркие огни. Корольев читал, как будто для себя.

— «Но там — увы, — где неба своды сияют в блеске голубом», — прочел Корольев, и Нина почувствовала, как у нее сжалось горло.

Она знала, что за этими торжественными, поющими словами стоит смерть, не пощадившая ни любви поэта, ни светлой красоты любящей женщины. И вот они пришли, эти слова: «Твоя краса, твои страдания исчезли в урне гробовой». Твои страдания! Нина сидела, все так же выпрямившись, не двигаясь, и по ее щеке скатилась и упала на колени, на черный бархат, одна-единственная слеза. Никто этого не заметил. Все молчали.

— Да, — сказал, наконец, Журавский, — тысяча поэтов не придумает ту единственную строчку, которую написал этот гениальный мальчишка!

— Ты это о ком? — спросил Лобанов.

— Как — о ком! О Лермонтове. Помнишь: «И звезда с звездою говорит»?

— Одного что же вы хотели нам предложить? — спросила Королева Аннушка.

Машина неслась, шурша на закруглениях, и в свете фар мелькали меловые стволы эвкалиптов. Далеко впереди светились зеленоватые снега на Главном хребте.

«Откуда этот свет? — думал Лобанов. — Неужели снег светится сам по себе? И что это за безумная гонка новогодней ночью! И как это здорово получилось, что Королев достал машину и везет их неизвестно куда!»

— Снега! — прокричал Лобанов. — Видите, как светят снега!

Нина смотрела на снежную цепь. В лицо бил ветер, задувал под легкое пальто, под мягкий бархат платья, и все внутри холодило. Нина не могла понять, что это за холод. Может быть, это был просто холод восторга. Снеговые вершины росли, медленно менялись местами. Нина захотелось туда, на этот чистый снег. Попасть туда одной, совсем одной!

Машина свернула к морю, на плоский мыс, и вошла в сосновый лес. Ветер стих. Запахло мокрой хвоей.

В лесу они вышли из машины и пошли вслед за Королевым. Он уверенно шел в ту сторону, откуда долетал какой-то смутный гул.

Лагуна открылась внезапно. Она лежала рядом, почти у самых корней последних сосен.

— Ну вот, — сказал Королев. — Это здесь.

Все молчали. Барговый месяц тяжело висел во мгле. Медные невысокие волны бежали от месяца к их ногам.

Лобанов с необыкновенной ясностью запомнил все: и эту лагуну, и запах сосен, и обрубистый каменный берег, что начинался слева и в тусклом отблеске месяца казался заржавленным, и белые развалины, и там, далеко — величавое молчание горных вершин. По правую руку на низком мысу горел маяк.

— Здорово! — сказал Лобанов. — Какое-то необыкновенное ощущение от всего...

— Аннушка! — крикнул Журавский. — Завтра же приеду сюда с красками и холстом. Приеду! А не найду машину — приползу!

— Не надо шуметь, — тихо сказала ему Нина.

Все замолчали.

— А теперь, — сказал Королев, — пойдемте. Вы все озябли. Здесь, на маяке, смотрителем мой приятель Стеценко. Он меня ждет этой ночью. Я обещал.

— Что же мы всем табором? — сказала Аннушка. — Неудобно.

— Он только обрадуется. Живет, как на острове. Идемте!

Маяк был недалеко. Они шли к нему берегом, по гальке. Галька трещала под ногами, и нельзя было разговаривать. Следом по лесу шла машина.

Железный высокий маяк был обнесен каменной оградой. Королев постучал в калитку. Из-за ограды окликнули. Королев назвал себя. Калитку открыл одиоручий человек с фонарем. Это был смотритель маяка Стеценко. Он несколько не удивился появлению среди ночи Королева с незнакомыми людьми.

— А, Коля! — сказал он спокойно. — А я уже ругался. Думал, что обманешь. Входите, пожалуйста. Тут порог. Осторожнее.

— Извините, — сказал Лобанов. — Непрошенные гости.

— Ну что вы! — засмеялся Стеценко.

Все дальнейшее запомнилось Нине очень ясно, но вместе с тем эта ясность была похожа на сон.

Двор маяка, вымощенный крупной галькой, ярко освещенная комната, большой украинский ковер на полу, на стене карточка этого человека в морской форме, но снятая еще тогда, когда он не был одиоручим, медные барометры, гитара. Журавский пел под гитару:

«Кто же мне судьбу предскажет?
Кто же завтра, милый мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?»

— Всегда ты поешь одно и то же, — рассердилась Аннушка.

— Девочку не разбудим? — спросил Королев.

— Она у меня спит крепко, — ответил Стеценко. — Набегалась за день.

— Какая девочка? — быстро спросила Аннушка.

— Моя, — ответил Стеценко. — Собственно, не моя. Не женат. Но я ее усыновил. Или удочерил. Не знаю, как сказать.

— Можно ее посмотреть?

Стеценко провел Аннушку и Нину в соседнюю комнату. Там спала белоголовая девочка с расстрепанными косичками, румяная от сна. Аннушка наклонилась над девочкой и, не дыша, смотрела на нее блестящими глазами.

— Анна, — сказала ей вполголоса Нина, — у тебя уже скоро будет таяня...

— Да, — ответила громким шопотом Аннушка.

Они вернулись в комнату, где Лобанов, Королев и Журавский уже о чем-то шумно спорили.

— Где вы ее нашли, такую чудесную? — спросила Аннушка Стеценко.

— В Керчи.

Но Аннушка все приставала с расспросами. Тогда Королев сказал: — Во время боев за Керчь Ваня командовал десантным кораблем. Ее мать убили при нем. Он взял девочку.

— Вам трудно одному с ней, — сказала Аннушка. — И рука...

— Нет. Она уже большая. А руку я потерял потом. Под Новорос-сийском. Задело осколком. Хотите посмотреть маяк?

Стеценко провел всех по узкому коридору. Он упирался в железную маячную дверь. За ней начиналась чугунная винтовая лестница.

Лобанов заглянул вверх. Слабо освещенная башня маяка уходила, казалось, в самое небо, под звезды.

Поднимались долго. Внутри маяка пахло машинным маслом и смесью от половиков. Ступеньки тихо позванивали. В открытые иллюминаторы дуло слабым ночным ветром.

Лестница делалась все уже, потом перешла в отвесный трап. Он вел на балкон, к фонарю. Фонарь жужжал.

— Только не становитесь на балконе со стороны огня, — предупредил Стеценко.

Нина вышла на узкий балкон. Он висел над морем. Месяц зашел, и все небо было в нестерпимо горящих звездах. Нина закинула голову, посмотрела на небо, и у нее закружилась голова.

Она прислонилась к холодной железной стенке маяка и закрыла глаза. Королев стоял рядом с ней. Нина взяла его под руку и, не отрывая глаз, сказала:

— Я ничего, ничего не понимаю. Что это так звенит?

— Маяк.

Королев помолчал, посмотрел на бледное лицо Нины, освещенное отблеском маячного огня, и сказал вполголоса:

— Вы похожи на девочку из Грига.

— Что? — спросила Нина. — На какую девочку?

— Григ как-то встретил в горах девочку. Очень славную. И написал для нее одну из своих лучших симфоний.

— Все равно, я ничего не понимаю, — сказала Нина.

— Да, — так же тихо сказал Королев, — я бы написал обо всем, что видел в жизни. Для всех. И для вас. А видел я много. И обо всем, что я передумал.

— Так же, как Григ? — спросила Нина и тихо засмеялась. Она взяла руку Королева, быстро прижала к щеке и отпустила: — Не говорите больше ничего, потому что мне будет потом очень трудно.

На обратном пути Лобанов затащил всех к себе. Была уже поздняя ночь, сонно дышало море и звезды роились в небе крупными гроз-дьями.

Зажгли лампы. Лобанов вытащил из шкафа вино и мандарины.

Говорили мало. Аннушка прилегла на диван и уснула. Нина сидела в кресле, обхватив колени руками, молчала, а когда к ней обращались, отвечала односложно и рассеяно улыбалась.

— Грустишь, Нина? — спросил Журавский. — Устала?

— Ни капельки. Просто мне хорошо. Спокойно на душе.

— С чего бы это? — спросил Журавский, но Нина не ответила.

Королев курил, смотрел, задумавшись, за окно, где над горами висела Большая Медведица.

— Выпьем, — предложил Лобанов, — за то, чтобы вы заново написали свой рассказ. Так я и не знаю ничего, кроме его начала. Вы ведь обещали рассказать его нам. Может быть, расскажете сейчас? Потягивая это плохое вино?

— Я вам его уже рассказывал, — ответил Королев.

— Когда?

— Да вот сейчас. То, что вы видели этой ночью и почти все, о чем мы говорили, — это все из рассказа.

— Ах так! — сказал Лобанов. — Рассказ был об этом? Об отчаянном страстном к жизни?

— Да. И зимняя ночь на побережье — оттуда. И лагуна. И маяк. И то удивительное, но плохо уловимое ощущение необыкновенного, о котором вы говорили на берегу. И сила поэзии. Пожалуй, в рассказе все это было, только ясное.

— Та-ак! — протянул озадаченно Лобанов. — Это очень здорово! Вы, выходит, настоящий писатель. Недаром вы писали о бессмертии. И след вы оставили. В каждом из этих сердец. Слушайте, вы же действительно какой-то необыкновенный человек.

— Ну, глупости! — пробормотал Королев.

— Знаете, что, — сказал Лобанов и налил всем вина. — Выпьем с вами за ту малость, что зовется талантом. Хотя нет, погодите. Я хочу еще вас спросить. Ведь не все, что было в рассказе, случилось сегодня. А Григ? А девочка? Ее сегодня не было.

— Как знать! — ответил Королев.

Нина быстро встала и вышла на веранду. Лобанов удивленно посмотрел ей вслед.

— Она всегда чудит, — сказал примирительно Журавский

Через два дня Журавские и Нина уезжали в Москву. Поезд отходил поздним вечером.

Провожал только один Лобанов. Он послал знакомого мальчишку предупредить Королева об отъезде, но мальчишка исчез, не явился с ответом, и до последней минуты никто не знал, что случилось. Очевидно, мальчишка не нашел Королева.

Поезд тронулся. Нина стояла у окна. Прозрачный месяц опять висел над морем. Нина больше угадывала, чем видела, в неясном тумане сумраке знакомые и ставшие милыми места: белый санаторий, стены черных кипарисов, мост через поток, в который она недавно бросала сухие ветки, заглохший сад с маленьким дощатым домом, где жил Лобанов, тополя, парк...

— Я вернусь, — сказала Нина в оконное стекло. — Вернусь.

Стекло запотело. Нина быстро протерла его перчаткой. Поезд пронесся по длинному мосту, и внизу, у самого моря, в свете одинокого фонаря Нина увидела низкое белое здание морского агентства. Тотчас все срезал туннель, и поезд загрохотал в подземной тьме тяжелым каменным гулом.

Там, где была «Зона пустыни»

Текст Мих. Златогорова

Фото М. Трезман

Специальные корреспонденты «Огонька»

В декабре минувшего года в изуродованной войной Витебске судили генерала пехоты Фрица Гольмцера, бывшего командента «Витебского укрепленного района». Вместе с Гольмцером перед Военным трибуналом и перед сотнями рабочих и колхозников предстали группа бывших военнослужащих германской армии, убийц и грабителей, превративших Витебщину в зону пустыни. Только высокой гуманностью советского закона казвек преступников от заслуженного смертного приговора; они получили по 25 лет исправительно-трудовых лагерей.

Прямо из зала суда мы поехали в Суремский район — наиболее пострадавший от немецкой оккупации из всех районов Витебской области. И мы смогли быть свидетелями еще одного торжества советского народа над фашистскими вандалами.

Постепенно исчезает «зона пустыни». На выжженной земле, где нельзя было услышать крика петуха, вновь вырастают деревни, села, колхозы, фермы машинно-тракторные станции.

Сделано уже немало. Здесь, в Суремском районе, при огромной помощи государства построено после войны 3277 новых домов, а по всей Витебской области их построено почти 39 тысяч.

Правительство требует, чтобы темпы строительства были ускорены. В январе 1948 года все семьи витебских колхозников должны быть переселены на землянок во вновь отстроенные дома. Надо быстрее строить школы, кабинеты, различные хозяйственные и культурно-бытовые здания. Здесь пример показывают передовые колхозы.

Мы были в деревне Задубровье, в колхозе «Мастычница» («Октябрь»). Эта деревня была целиком сметена с лица земли, здесь не оставалось даже печных труб — все заросло быльником и лебедой, по полям рыскали волки. Сейчас на месте пепелищ поднялись 25 просторных жилых домов, школа, баня, скотный двор, конюшня, овчарня. Тракторы соседней Суремской МТС помогли колхозникам обработать одичавшую землю.

Фотокорреспондент «Огонька» М. Трезман летом 1943 года побывал у партизан в районе Белоруссии, занятых немцами. Он заснял тогда отдельные моменты из быта колхозников в «зоне пустыни». Мы помещаем эти снимки рядом с новыми, сделанными М. Трезманом в декабре 1947 года.

Суремская МТС — передовая в Белоруссии: к новому, 1948 году она полностью закончила ремонт машин. На снимке справа: старший механик А. Д. Лобовкин и тракторист А. Б. Спириденко осматривают тракторы после ремонта.

В годы войны партизаны сами изготавливали оружие. Снимок, помещенный внизу, показывает одну из партизанских оружейных мастерских в 1943 году.

Вместе с советской властью, с колхозами, вернулись культурная жизнь, тепло и уют родного дома.

Иван Федотович Иванов только что пришел из колхозной мастерской; сегодня ремонтировали плуги и бороны. Жена Аксинья Ивановна и сын Коля ждут его за обеденным столом.

Каким резким контрастом к этому снимку выглядит фотография, сделанная в землянке в дни немецкой неволи! (фото справа).

← Так
Они ра-
положи-

На
дерев
Васи
ник».
отпус
судя
семья
будет

Вот люди, превращающие «зону пустыни» в цветущий, зажиточный край: бывший партизан из знаменитого отряда батки Миня Василий Архипович Хлеханов (справа) и демобилизованный воин Павел Тимофеевич Шпаковский (слева). Первый — председатель колхоза «Кастрычнік», второй — бригадир колхозной строительной бригады. Вдвоем они намечают, где ставить новые дома.

Нижний снимок напоминает, как выглядели многие белорусские деревни до освобождения от немецких оккупантов.

Накануне Нового года в десятках изб деревни Задубровье справлялось новоселье. На верхнем снимке вы видите праздник в избе колхозника Григория Васильевича Воронова.

В гости к Воронову собралось много молодежи. Лихо отплясывает Катя Лобовкина под баян, на котором играет тракторист Петр Шаровкин.

Уходит в прошлое «земляночный быт», грустную картину которого вы видите на снимке 1943 года (фото справа).

«Спасибо родному Сталину!» — миллионы белоруссов от всего сердца повторяют сегодня эти слова. Портретами великого Сталина украшают они стены своих новых жилищ.

На нижнем снимке мы видим этот волнующий момент в доме колхозников Шпаковских в том же селе Задубровье. У портрета вождя — хозяин дома, демобилизованный воин. Он прикрепляет к стене благодарность товарища Сталина, полученную им на фронте.

...или при немцах. В землянках рождались дети. Сби в темноте, тесноте, сырости... Теперь этому конец.

Снимке внизу: один из маленьких граждан Задубровья. Его зовут Леня. Его отец — Савельевич Ивков, шофер колхоза «Кастрычэўка», Анна Павловна, — колхозница. Государство им бесплатно лес, выдало долгосрочную Ивковы построились. Мы видим молодую в новом, светлом доме; здесь детство Лени радостным и счастливым.

Прекращение войны в Ленинграде Фото А. Уткин

Ночью в Ленинграде

Татьяна ТЭСС

Есть в зимней ночи ясное и нежное очарование. Оно окутано в любую пору, каким бы ни было дыхание погоды. Бывают ночи, когда весь город похрустывает от мороза, как крепкое яблоко, когда прохаживаю идущие, окутанные белым паром дыхания, в седине инея, и луна, окруженная туманным облачком, стужа, медленно плывет по беспощадно ясной небу.

Бывают другие ночи, повитые снеговой тишиной, с той особой мягкостью мороза, когда телу не холодно, а только легко. Дышишь полной грудью, идешь молодцевато, приминая мягкий снег, и дорога кажется близкой и ночь короткой...

А бывает и так, что еще с вечера задует ветер, повалит мокрые хлопья, ледяная крупа; надвинется туман, плотный, как кисель, и фонари сквозь туман светят приглушенно, неясно, напоминая, что есть на свете теплый кров. Но и тогда хорошо пробраться сквозь туман, бороться с ветром, согнувшись, подставляя грудь, то спину его бесноватым ударами, и, наконец, с окаменевшим от холода лицом войти под крышу дома, ощущая всем телом блаженное, ровное тепло...

Так думала я, бродя ночью по улицам Ленинграда. В жизни нашей бывают дни, когда кажется, что возшел на высокий холм и видишь отсюда весь пройденный путь. Видишь и трудности его и радости, видишь то, что было пережито, продумано, создано... Такие чувства люди часто испытывают в канун Нового года. И ночи уходящего года, декабрьские ночи, кажутся освещенными особой зоркостью памяти, повитыми волшебной дымкой, сквозь которую многое можно увидеть и припомнить...

Двенадцатый час. Уже заперты ворота Летнего сада, вдоль пустынных дорожек неподвижно темнеют деревья. В окнах Михайловского парка ровным желтым светом горят огни. Освещенный фонарями, стоит перед замком памятник Петру. Он чернеет среди снежной белизны, торжественный Петр, тот самый Петр, которого в начале войны закаливали в земле, и в глубокой яме видны были могучие его ноги, с бесцельной силой упершиеся в стрелы, и сердитые усы, в которых, как хлебные крошки, застряли мелкие комья земли...

Новым, совсем новым кажется сейчас Ленинград. Бывают организмы, которые, пережив болезни и тяжкие испытания, становятся еще более крепкими, закалившиеся в этой борьбе. Так случилось и с Ленинградом. Еще живы приметы горького прошлого вот здесь, на ленинградских улицах: разрушенные бомбами цехи, кварталы, наиболее сильно пострадавшие от артиллерийского обстрела. Еще свежи в памяти воспоминания обо всем страшном, что довелось пережить ленинградцам. Но Ленинград, на долю которого выпало столько горя, сколько не изведает ни один город мира. — Этот самый Ленинград, полный сил и трудовой отваги, обращается сейчас с призывом, разнесшимся по всей стране: выполнить послевоенную сталинскую пятилетку досрочно, в четыре года!

Ленинградцы сформулировали то твердое, непреклонное стремление и чувство, что уже сложились в народе. Они сказали первое слово и сказали его по праву. Ибо ленинградцы уже сдержали свое недавнее обещание стране — они выполнили план 1947 года к празднику Октября. И в тексте обращения ленинградцев ко всем работникам промышленности Советского Союза есть слова, звучащие торжественно и строго, как присяга:

«...Дадим наше крепкое советское слово товарищу Сталину в том, что мы твердо и точно по-большевистски выполним взятые на себя обязательства».

...Двенадцатый час. Мчатся троллейбусы по залитому светом Невскому, мимо коней Клодта. Гаснут огни во Дворце пионеров. Улицы полны прохожих, люди идут деловито, «дневной походкой». И вдруг естает перед глазами день, далекий осенний день,

когда после конца войны в Ленинград возвращалась гвардия.

Трамвай перестали ходить в тот час, и пустые троллейбусы тихо стояли у обочин. Посреди мостовой мерно шагали гвардейцы. Ленинградцы выстроились в несколько рядов вдоль тротуара и бросали под ноги идущим цветы. Цветов было так много, что гвардейцы шагали по ним, как по лугу; сладкий запах вьющейся травы, запах сенокоса наполнял улицы. Было очень тихо, и в тишине этой отчетливо слышалось, как тонко и нежно звенят орден в такт мерным шагам. Гвардейцы шли в пыльных боевых шлемах, статные, загорелые; лица их, исполненные юношеской строгости, были освещены румянцем счастья и волнения...

Многое вспоминается ленинградской новогодней ночью, когда бродишь по прямым, блистающим улицам. Вот, выгнув лоснящиеся плечи, стоят атланты Эрмитажа. Глядя на них, с трудом представляешь, что они некогда поддерживали разрушенные бомбой своды и снег медленно сыпался вниз, на узорный паркет, где валялась люстра, похожая на огромный сплюснутый цветок... На промерзших стенах висели пустые золотые рамы, и как странно было идти тогда по ледяным залам, читать бронзовые таблички и воскрешать в памяти краски и линии, формы и объемы, все прекрасное и вдохновенное, что жило в этих залах в дни мира...

Есть один великий день Победы, но сияние победы мы ощущали много раз, и много раз праздновали ее. Одним из таких сияющих радостью праздников был день открытия Эрмитажа после войны — день, когда картины снова вернулись в свои рамы, как возвращаются хозяева в свой дом.

Я остановилась у окон Эрмитажа и глядела туда, словно могла разглядеть сквозь стекла живой, светящийся мрамор Гудона, рубище рембрандтовского «Блудного сына», застывшего у дверей отчего крова. В Эрмитаже было тихо, и лишь ночные сторожа, быть может, проходили с дозором по пустым залам. Но мысль о том, что великий дом этот жив, что вечная жизнь искусства снова вернулась в его стены, — мысль эта так согрела сердце, что казалось, сам дом излучает тепло.

...Полночь. Одна из последних декабрьских ночей проходит над землею. Мы не торопим время, мы любим воздух и солнце каждого дня, и все же для ленинградцев трудовой, сорок восьмой год начался уже давно. Еще летом в заводских цехах можно было увидеть листы особых календарей, — они говорили о том, что в июне в этом цехе уже живут дяди августа... И как поздравить предприятия с Новым годом, если они уже встретили его несколько месяцев назад, встретили славно, с истинной радостью?!

В Ленинграде много могучих, оснащенных передовой техникой заводов, но сейчас пришла на память небольшая фабрика, самое существо которой как бы пропитано веселой радостью мирного труда. Это фабрика имени Микояна. Тут в котлах, похожих на водолазные скафандры, вздуваются пузырями варенье, тут карамельная лента бежит, мерцая, по конвейеру и директор Лев Мазур, добродушный и полный, похожий в своем белоснежном халате на детского врача, озабоченно разглядывает леденец, поднося его к близоруким глазам. Поистине тут бегут сахарные реки вдоль карамельных берегов, мир сладостей обступает тебя, как в ребяческих снах, и невозможно поверить собственной памяти, напоминающей о том, что в этих самых пахнущих леденцами цехах в дни блокады делали мы...

Я двигалась по городу дальше. Через светлую проходную я вошла во двор металлического завода имени Сталина. Во дворе, вплотную возле цеха, возвышалась большая мемориальная доска; на ней были написаны имена участников обороны Ленинграда, погибших в

стенах завода во время бомбежки и артиллерийского обстрела. Освещенные фонарями, мерцали на доске имена героев — памятник доблести, памятник воевой славы.

Сквозь закрытую дверь цеха еще издали был слышен рокот машин. Это был тот особый, неповторимый шум цеха, который не спутаешь ни с чем, — ровный, как шум морского прибоя, упругий, разбитый на множество голосов, подобно хору, ибо каждый станок имеет свой тембр, свой «голос», свои модуляции. Я шагала через двор по направлению к паротурбинному цеху, и рядом со мною шел ночной мастер Николай Иванович Чирьев.

Мастер шел тяжелою, бесшумной походкой; маленькая кепка плотно сидела на его седой, круглой голове; умные, с лукавинкой, глаза сосредоточенно щурились. У Чирьева была манера говорить негромко, раздумчиво, глядя перед собой, будто говорил он только для себя, развивая вслух занимающие его мысли.

Он заговорил, когда мы вошли в цех. Большой паротурбинный цех был затянута по углам непрочным, легко расступающимся мрамором, но вся центральная часть его ярко освещена. Пылали огромные колбы ламп, наполненные резким белым светом. Посредине цеха возвышался стенд, похожий на капитанский мостик. На стенде работали люди.

Шаркая ногами, мастер поднялся по громающим ступенькам вверх. Он огляделся и сказал негромко, ни к кому, как будто, не обращаясь:

— Это — ее нутро...

И помахал рукою, показывая на громадную, влажно поблескивающую деталь турбины. В голосе его была почтительность, он говорил о турбине с явным уважением. Внутри детали сидел молодой белокрылый слесарь и искоса, с любопытством поглядывал на нас отсюда, как из колодца. Шел монтаж турбины — живое, умное срастание разрозненных ее частей. Я разглядывала деталь и в это время услышала позади голос Чирьева.

— А это — ее сердце... — сказал он с той же почтительной интонацией, и меня поразило, что негромкий его голос был явственно слышен среди больших и малых шумов цеха.

Чирьев стоял сейчас возле ротора и внимательно глядел на него. Длинное, черное и влажное, как у морского льва, тело ротора вращалось на станке. Токарь, наклонившись, обтачивал шейку ротора, серебристая стружка стекала с шейки, подобно легким струйкам воды.

— Громадные обороты будет давать при вращении! — задумчиво сказал мастер, глядя на ротор. — Недавно балансировали его, запустили для пробы, — такой ветер поднялся, что, верите, идти невозможно, с ног валит! Силичай!

— А в гидротурбинном цехе сейчас днепровскую турбину делают! — спросила я осторожно.

Мастер пожевал губами.

— Делают... — нехотя ответил он; неожиданно в глазах его мелькнула лукавинка, и он подмигнул с мальчишеским озорством. — Ну, там работа куда грубее, чем у нас! — сказал он и покосился на меня. — Никакого даже сравнения! Тонкости той у них нет, скажу прямо. Ведь у нас работа какая? Для такой работы профессора нужны...

Он огляделся и показал рукою на безмолвный, неподвижный станок, темнеющий неподалеку от ротора.

— Вот, пожалуйста! — бойко проговорил он, подходя к станку мелкими быстрыми шагами. — Это товарища Мелехова станок, Георгий Иванович. Кроме Георгия Ивановича на этом станке никто не работает. Ни божья мать! Для такого дела талант и наука нужны, честное слово! Вы взгляните в этот вал, что сейчас Мелехов обрабатывает... — говорил он, тыча коротким, крепким пальцем. — Голубчики мои, ведь он же цельнотянутый, каждый диск в нем не насадил, а цельный, из единого тела выточенный! Вы только вдумайтесь, какая эта

работал! Тут не то что профессор, тут академик требуется! Нет, нет,—другого такого искусника, как наш Мелехов, на всем заводе нету. Орел!.. Есть такие люди,—вдруг сказал он сердито,—которые ужасно любят чужим восхищаться. Заграничей то, заграничей этакое,—ах-ха! А у наших турбин, если хотите знать, класс сейчас выше, чем у заграничных. Это я вам говорю, как мастер дела, можете мне поверить! Я на заводе, уважаемая, сорок лет тружусь, на всех станках работал, все образование прошел. Турбину я не только глазами вижу, все нутро ее понимаю. И я вам скажу, сейчас пусть у нас другие учатся, есть что показать, вот как!

Он шел вдоль цеха, и я шагала вслед за ним. Отбрасывая громадную тень, возвышались станки, величавые, как памятники индустрии. Озаренные яркими лампами, трудилась люди, на станках вращались детали, маленькие голубые водопады эмульсии бежали по разгоряченному металлу. Могучая машина рождалась на свет. И, глядя на детали этой великолепной современной турбины, я почему-то вспомнила погруженный во мрак Таганрог, каким я увидела его вскорости после освобождения от врага.

Электростанция в Таганроге была взорвана, все машины фашисты вывели из строя, и только на одном заводе работала старенькая паровая машина. Она стояла на своем постаменте, окруженная облаком пара, пылела, вздрагивала и издавала время от времени глухие стелания. Все содрогалось в ней, она в любую минуту, казалось, могла взорваться, но продолжала пылеть и трудиться, а люди глядели на нее не дыша, со страхом и надеждой, потому что она поочередно кормила заводы и давала немного света городу...

Возможно, этой старенькой машины давно уже нет в помине. Но я припомнила ее с неожиданной теплотой, глядя на могучую турбину, которая даст одному из наших городов энергию и свет.

Раздумывая об этом, я вышла из цеха на улицу. Большие облака, гонимые ветром, летели по небу. Город еще не спал. Многие мостовые были разрыты: в траншеях рабочие укладывали трубы газопровода.

В задних окнах оперного театра еще светились огни. Пожарный в каске медленно прошел вдоль пустынного коридора. Из боковой двери вышли два запоздавших музыканта. Они размахивали футлярами, где лежали примолкшие скрипки, и продолжали начатый разговор.

— Оперный композитор—это прежде всего музыкальный портретист!—воодушевленно прокричал один из них, и голос его разнесся по площади.—Вспомните тему в «Пиковой даме»,—та-ри-та-ра...

Он остановился и пропел глухим тенорком тему, отбивая такт рукой. И долго еще в тихом переулке были слышны их голоса и тенорок, настойчиво повторявший музыкальную строчку...

Так двигалась я по ночному городу. Постепенно пустели улицы, исчезали автобусы, троллейбусы, трамваи.

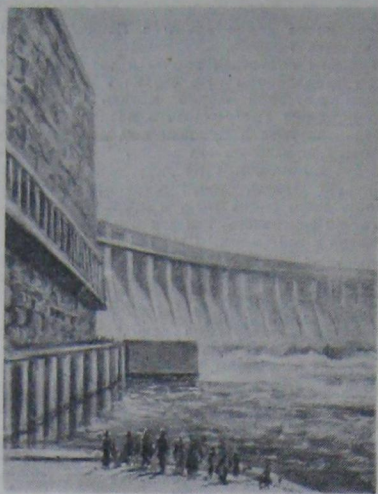
И вдруг из-за угла прямо на меня вышла девушка.

Она была в брезентовом комбинезоне, в широкополой шляпе и высоких резиновых сапогах. Из-под шляпы выбивались русые волосы, румяные полные щеки по-детски вздрагивали на ходу. Девушка неторопливо и спокойно шла посреди мостовой, с такой свободой и уверенностью, как будто именно она была хозяйкой города и даже самая отчаянная ночная машина должна была отпрянуть в сторону или остановиться, завидев ее. Комбинезон девушки был выпачкан глиной.

Пораженная, я остановилась и глядела девушке вслед. Это была метростроевка, ни с кем в мире нельзя ее спутать! И тут же вспомнились весна метро в Москве, и такие же карнакиды, выходящие из-под земли в своих широкополых, забрызганных глиной шляпах, коренастые и крепкие, словно они поддерживали плечами земные своды... Вспомнились вышки метро и первый поезд, который с длинным, воющим гулом несся сквозь тоннель, пылая огнями...

С каким пристальным, влюбленным внима-

Я желаю...

...чтобы вступивший в строй красавец Днепрогэс набрал в нынешнем году полную мощность—во всю силу всех своих турбин.

К. КУПЕЦИО

...чтобы самый мощный конвейер страны—железнодорожный транспорт—работал в 1948 году с точностью часового механизма.

И. ЖДАНКО

нием следили тогда все москвичи за работой Метростроя! Не такую ли пору переживают сейчас ленинградцы? Я огляделась, ища знакомые очертания вышки, и увидела ее неподалеку, за высоким частым забором.

Ворота приоткрылись и вновь захлопнулись, пропустив меня в просторный двор. Рокот лебедки сотрясал воздух, вдруг пронзительно вскрикнули гудки, и из штольни медленно выплыла вверх вагонетка. На вышке, посреди небольшой площадки, стояла рукоятница—высокая красивая девушка с белокурой челкой. Она тоже была одета в комбинезон, светлые волосы ее, освещенные яркой лампой, пылали, словно золото. Расставив ноги, она стояла на дощатом помосте, как капитан на корабле; вагонетка подплыла к ней, рукоятница с неженской силой повернула ее—и порода с грохотом высыпалась из ва-

гонетки в бункер. Секунда,—и пустая вагонетка снова на помосте, слышен пронзительный вибрирующий сигнал,—это рукоятница запрашивает шахту: можно спускать? Бесстыгий гудок отвечает снизу: давай, давай... Три гудка сотрясают воздух—майна, вниз, и пустая вагонетка проваливается в темный ствол шахты...

У лебедницы флюс; управляя шумной своей машиной, она сердито поправляет повязку. Снова слышен гудок. Это снизу просят: забирай породу! И опять напрягаются толстые тросы и медленно плывет вверх по столу вагонетка...

Кроме лебедницы и рукоятницы во дворе почти никого нет: все остальные в шахте, под землей. Рядом со мною стоит мастер смены, вылезший из-под земли на несколько минут, чтобы позвонить по телефону. Это коренастый спокойный человек, судя по выговору, украинец. Он внимательно глядит на рукоятницу, потом глаза его переходят на девушку, управляющую лебедкой.

— Ось як тебе раздуло!—говорит он добродушно.—Нос, як цыбуля. Вдруг никто зауж не возьмет, а?

Лебедница поправляет повязку и смеется. Мастер снова глядит на рукоятницу, стоящую на своей капитанской вышке.

— Сталинских лауреатов у нас еще нема,—говорит он виновато.—Но хорошие ребята имеются. Вот, к примеру сказать, Аня Алексеева. Ну, не девка, а огонь! Все у нее в руках аж горит: крепежный материал спустить—пожалуйста, вагонетку поднять—будьте любезны! Одна стоит наверху, а ворочается за троих. Комаров у нас—тоже очень замечательный работник. Опять же проходчик Акимов, Гришин... Проходчик—это кто? Это, если хотите знать, универсал! Сегодня он на отбойном молотке работает, завтра, к примеру, он уже крепит, это значит стал крепильщиком, потом, будьте любезны, раму делает, это значит стал плотником, потом, гляди, он и бетонщик и тубинщик... Работа любительская!—говорит мастер увлеченно и глядит на шахту.—Болтик в тоннеле—тот ведь тоже поставит с душой...

Он косится на прохаживающего мимо грузовик и вдруг кричит во все горло шоферу:

— Э-эй! Ты что, не видишь, у тебя грунт сыплется! Подыми да положи обратно, тут тебе не бульвар, щоб землю рассыпать...

В шахте нет ни дня, ни ночи, там всегда один и тот же свет, одна и та же температура. По нескончаемой узкой лестнице рабочие спускаются вниз.

— Эскалатора у нас еще нема,—говорит мастер извиняющимся голосом.—Вот построим метро, тогда приходите, будьте ласковы, к нам кататься! Все будет культурно, красиво, тут тебе колонна з мрамора, тут тебе урна... А сейчас какой от нас интерес? Все в глине, чумазые...—лицо у него становится сокрушенным.—Не было бы войны, давно бы в вагончиках под землей ленинградцы катались...—говорит он и вздыхает.

Лица проходчиков в их широкополых шляпах кажутся знакомыми, да и впрямь здесь многие из Москвы. Но есть и новая гвардия—люди, которых воспитывает Ленинградский Метрострой, и они проходят здесь сложную и доблестную школу. Их роднят с московскими метростроевцами та же увлеченность своим трудом, хозяйская гордость будущим метро, горячность, с которой они рассказывают о будущих станциях, тоннелях... Это чувство переживали и мы, москвичи, на заре Метростроя, и приятно припомнить его в ленинградской шахте метро, как вспоминаешь дни юности...

В шахте нет ни дня, ни сумерек, и когда я выхожу на поверхность, я вижу с удивлением, что начался рассвет.

Серое зимнее небо порозовело, стало выше и легче. Солнца не видно, но облака уже наполнились изнутри мягким, постепенно прибывающим светом. Бледнеют фонари, и бесполезный их блеск напрасно расточает свое сияние. Первый трамвай пропел на повороте, как петух. Утренний, свежий шум наполняет улицы, оповещая о начале нового трудового ленинградского дня.

С Новым годом, Ленинград! С новым счастьем и здоровьем, с новым трудом и новыми победами!

КОМЕДИЯ В 5 ДЕЙСТВИЯХ

Илья ЭРЕНБУРГ

Рисунки Л. Бродаты.

(Маленький провинциальный городок на юге Франции. Кафе «О'Лео». Мраморные столы, красные бархатные диваны вдоль стен, соломенные стулья. Стойка из цинка. За кассой дремлет толстая хозяйка. Официант Франсуа, старый скептик, вытирает тряпкой пустые столы и сдвигает стулья. В углу сидит Джеймс Лоу, рослый американец, он все время чем-то занят: пьет коньяк, жуёт резинку, жестикулирует ногами, листает справочник, читает газету, записывает в карманную книжечку адреса и цифры. В другом углу четверо запоевдаев, отцы города. Их столы покрыты зеленым суконным ковриком — они играют в карты. Здесь мэр — г. Валуа, — красноречивый и тучный, с окурком потусневшей сигареты на нижней губе; председатель торговой палаты г. Ришар, жуир, с покладками недухты; владелец ликерного завода г. Дело, болезненный, желчный; редактор газеты г. Пинке, подвижный и нестро одетый.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЛО (бросает карты). Ну и везет человеку!

МЭР. В первый раз слышу, что мне везет. Мари говорит: «Тебе везет, как индию на рождество». Не верите? Пожалуйста, я могу доказать. Помните, когда сгорел магазин «Дам дю миди»? В двадцать седьмом. Я застраховал на сорок тысяч. Оказалось, товара погубило на сорок тысяч, и ко всему Мари заболела нервным расстройством. Потом я застраховал магазин на четыреста тысяч, я буквально разорился от взносов, и за двадцать лет ни одного пожара! Это вы называете «везет»? Когда я купил новый «ситроэн», сразу начались войны и машину реквизируют. Стоило мне написать в газете, что мы победили, как пришли немцы. Три года они меня изводили этой статьей. В сорок третьем мне пришлось признать, что победили немцы. Я ничего не мог сделать: у Мари начались нервные припадки. Стоило мне это сказать, как немцы ушли и меня начали мучить коммунисты: почему я сказал, что победят боши, хотя все знают, как я страдал от немцев. Я вам говорю, что мне везет, как индию на рождество. Стоило мне стать социалистом, как на выборах победили коммунисты. Теперь, когда наконец-то меня выбрали мэром, в городе началось чорт знает что — ни хлеба, ни угля, коммунисты готовят забастовку, и все валит на мэра. Картошки нет — виноват мэр, у русских какое-то «вето» — виноват мэр, дождь — тоже мэр виноват. Вот вам «везет»! Меня зовут Ив, но это случайно, я не Ив, я многострадальный Иов. (Сдаёт карты.)

РЕДАКТОР. После того, что мы пережили при оккупации, ничего не страшно. Я вспоминаю, как в этом кафе я увидел фон Шаубергера. Я встал и громко сказал: «Никогда я не буду сидеть в одном кафе с палачом». В ту ночь я ждал визита гестапо, и я написал самую страстную статью для подпольной газеты. Это было героическое время.

РИШАР. Я при немцах не ходил в кафе. У нас была даже инструкция нелегальной организации; мы не имели права ходить в кафе. А поскольку у меня собирались, чтобы слушать лондонские радиопередачи, я был засекречен.

ДЕЛО. Да, есть что вспомнить. Теперь пишут, что рабочие саботировали. А про нас, промышленников, молчат. Сколько раз я не сдавал немцам вовремя заказы!.. Господа коммунисты хотят переделать историю, отнять у нас лавры.

МЭР. Не только лавры — место, дом, даже жен.

РЕДАКТОР (игриво). Я не знал, что эти негодяи покушаются на госпожу Валуа.

МЭР. Ах, вы шулу! Два короля. (Сдаёт.) (Входит посетитель, пьет рюмку у стойки.)

ПОСЕТИТЕЛЬ (хозяйке). Как поживаете, госпожа Лео?

ХОЗЯЙКА (просыпаясь). Отвратительно. Я больше не могу спать, я все время думаю об атомной бомбе. А коммунисты! Как вам нравится эта наглость? Разве вы не слышали, что в городе Мари-Лу? Три года писали, что ее убили, и вдруг она живая. Никому нельзя верить! Они все хотят, чтобы я умерла с горю. И ко всему дождь. В такую погоду люди сидят дома, а я теряю и деньги и здоровье. Хорошо, пусть страдают русские или американцы, они это заслужили. Но, скажите, при чем тут я?

РИШАР. Две дамы.

РЕДАКТОР. Эге, это не случайно! Госпожа Ришар вряд ли обрадуется.

РИШАР. С большой головы на здоровую. Вы, кажется, подарили Бубуль шелковую блузочку.

РЕДАКТОР. А вы нашли, что эта блузочка ей очень к лицу, не правда ли? У меня, как у редактора, самая свежая информация. Не смущайтесь: я одобряю ваш выбор. Бубуль — очаровательная девушка.

РИШАР. У меня с ней случайное знакомство.

РЕДАКТОР. Случайное, но далеко не поверхностное. Каждый вторник. Я ведь не ошибаюсь?

РИШАР. По четвергам. Не правда ли?

МЭР. Не спорьте, друзья, все там будем.

РЕДАКТОР. Кстати, господин мэр там тоже бывает — по пятницам.

МЭР (улыбаясь). Как мэр, я должен бывать повсюду и потом, как старый социалист, я ищу общения с народом.

ДЕЛО. Не понимаю, как вы можете в та-

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЖЕМС ЛОУ, американец.
ВАЛУА, мэр города.
ЕГО ЖЕНА.
ЕГО ДОЧЬ МАРГО, восемнадцати лет.
ДЕЛО, фабрикант.
ЕГО ЖЕНА.
РИШАР, председатель торговой палаты.
ПИКЕ, редактор газеты.
ЕГО ЖЕНА.
МАРКИЗ ДЕ ШАМПИНИ.
ПОЧЕТНЫЙ КОНСУЛ ЧИЛИ.
РЕНЕ ВИБЬЕН, писатель.
ГАСТОН, секретарь мэра.
ЧЛЕН МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА.
ЖЕЛИНО, репортер.
СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ.
МИМИ, машинистка.
ХОЗЯЙКА КАФЕ.
БУБУЛЬ, девица легкого поведения.
ФРАНСУА, официант.
КОРИДОРНЫЙ ГОСТИНИЦЫ.
УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ.
ЖАКЕ, певица-любителница.
ПРОДАВЕЦ И ПРОДАВЩИЦА ГАЗЕТ.
ПОСЕТИТЕЛИ КАФЕ.
РАБОЧИЙ.
СТАРЫЙ РАБОЧИЙ.
ДЕВУШКА.
СТАРИК.
ЧЛЕН МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА.
РАБОЧИЕ. ГОРОЖАНЕ.

кое страшное время заниматься мальчишескими проказами?

МЭР. Знаете, дорогой друг, когда я впервые прочитал про атомную бомбу, мне захотелось сразу перецеловать всех девушек мира. Вы хотите сказать, что мы на краю катастрофы? Да. Именно поэтому я частенько спрашиваю себя: может быть, плюнуть на все муниципальные дела и отправиться к Бубуль? Неужели у вас не бывает таких поползновений?

ДЕЛО. Доктор мне запретил все отклонения от режима. Я не могу даже выпить стакан вина. Доктор говорит: «Спокойствие и еще раз спокойствие». А как я могу быть спокойным, когда судьба моей фирмы поставлена на карту? Да, ликеры «Дело и сына» славились на всю Францию, сто одиннадцать лет имя Дело поддерживало реноме французской культуры, и вот я должен присутствовать на своих собственных похоронах.

РИШАР. У вас какие-нибудь новые осложнения?

ДЕЛО. У меня каждый день новые осложнения. Я не могу получить апельсиновые корки из Испании. Почему? Да потому, что господам коммунистам не нравится генерал Франко. Что же, я должен готовить кюрасо из русских еловых шишек? Меня не интересует их политика. Я спрашиваю, кто хозяин на моем заводе: господа-коммунисты или я?

Теперь они требуют повышения расценки, грозят забастовкой. Если я уступлю, я разорюсь, а если они забастуют, я тоже разорюсь, потому что у меня срочные заказы. Их нужно обуздать, а ваши министры с ними разговаривают.

МЭР. Я могу понять рабочих—когда у человека нет денег на картошку...

ДЕЛО. Господин Валуа, нельзя служить и богу и дьяволу. Ваши социалисты ведут двойную игру. Это швейцары, они готовы распахнуть дверь перед каждым. А нам швейцары не нужны, нам нужен вышешел.

МЭР. Зачем горячитесь? Я сказал, что могу понять рабочих. Понять—это не значит принять. Вы знаете, что я люблю коммунистов так же, как вы. Но нельзя всегда ударять в лоб, иногда лучше обходное движение. Вы говорите: или генерал или коммунисты. А где же тогда социалисты? Где у вас место для меня? Вы обязательно хотите, чтобы маятник раскачивался во всю прыть. Тик! Так! А я говорю: тише, тише, тик-так, где-то между «тик» и «так». Вот вам третья сила. Почему я против генерала? Конечно, он герой. Но его видно за тридевять земель. Он порождает слишком много чувств. Может быть, мне, как старому социалисту, удастся удержать ваших рабочих от забастовки, но попробуйте покажите им вашего генерала—сейчас же начнется резня. Дорогой друг, народ—это как моя Мари: нервы, всегда нервы. С народом нужно уметь разговаривать. Я ничего не имею против вашего генерала, но осторожно—помните о тормозах, это очень скользкий спуск. Погодите годик—другой, дойдет очередь и до генерала.

ДЕЛО. За «годик—другой» господа-коммунисты нас съедят живьем.

РИШАР. Знаете, почему господин мэр нам предлагает возжечь терпением? Святой Августин сказал про господина бога, что он терпелив потому, что вечен.

МЭР. С каких пор вы начали цитировать святого Августина? Уж не собираетесь ли вы в монахи? Мари рассказывала, что вы теперь зачастили в церковь, даже исповедовались. Интересно, рассказали ли вы юре про Бубуль?

РИШАР. Не помню, может быть, рассказал. Он обожает галантные истории.

РЕДАКТОР. Довольно несвязуемо... Я уж не говорю про Бубуль и госпожу Ришар, но меня интересует, как вы связываете Бубуль и его святительство, папу римского?

РИШАР. Вполне. Добрый католик по средам и пятницам кушает постное, а по воскресеньям—скоромного поросенка.

МЭР. Шутки в сторону, вы действительно вдруг уверовали в бога?

РИШАР. В то, что он существует, нет. Но я уверовал, что это самое замечательное из всех человеческих изобретений—лучше и книгопечатания, и электричества, и атомной бомбы.

РЕДАКТОР. Знаете, как-то неловко—после Вольтера, после Анатоля Франса, после Фрейда вдруг вылезти с непорочным знанием. В наш век прогресса...

РИШАР. При чем тут прогресс? Где небоскребы? Где лучшие машины? Кто изобрел атомную бомбу? Хорошо, а в той же Америке на каждом шагу церковь—католическая или лютеранская, баптистская или анабаптистская. Там, где много церквей, там мало коммунистов. Вы иронизировали, как совместить церковь и Бубуль? А это очень просто. Конечно, Бубуль—не мадонна и не Беатриче, но она не только не опасна для нашей западной культуры: она способствует ее развитию. А вот церковь и коммунисты—это, как вы изволили выразиться, «нечто несвязуемое». Я ничего не имею против человеческих слабостей. Нашу республику изображают обыкновенно девственной Марианной. У этих девственных дев тысячи опасных чудачеств. Куда лучше Магдалена: она ночью грешит, зато утром кается и покорно шопотает носки.

МЭР. Я не верю ни в генерала, ни в папу, ни в Магдалину. У меня одна надежда—на

Америку. Они могут нас спасти, и они должны нас спасти. Я только не понимаю, почему они копаются? То конгресс обсуждает, то сенат раздумывает, то президент совещается с министрами, то министры совещаются с президентом. Сегодня взял газету, думаю, наконец-то... Нет, опять: «президент обратился с посланием...» Здесь нужно не послание, а пшеница, уголь, доллары.

ДЕЛО. Вы, кажется, как господин Ришар, впали в мистицизм. Почему американцы должны нас спасти?

РИШАР. Хотя бы потому, что им не хочется погибнуть. Когда у клиентов нет денег, чтобы пойти в закусочную, сначала подыкают они, а потом и хозяин закусочной.

МЭР. Нет, дорогой друг, я ставлю вопрос иначе. Я не мистик, меня тошнит от ладана, но я не хочу свести все к грубой прозе. Нас связывают с Америкой общие идеалы. Мы делим Лафайета. Теперь они должны нам дать доллары.

ДЕЛО. Боюсь, как бы вместо долларов мы не получили бы библию. Приехали эксперты, советники, наблюдатели. А где хлеб? Где уголь? Где доллары?

МЭР. Весной прилетают птички, а потом косятся нивы. Наблюдатели—это первые ласточки. За ними придут переходы с грузами. Я боюсь одного—что они не заглянут в наш город. А нам помощь еще нужнее, чем парижанам или марсельцам. Говоря прямо, мы попросту погибнем. Только Америка может нас спасти.

ДЕЛО. Жизнь меня сделала скептиком. Я могу поверить в генерала: он хочет нас спасти от господ-коммунистов, потому что ему самому страшно. А что американцам? У них два океана.

РЕДАКТОР. К нам они, во всяком случае, не заглянут. Я убежден, что никто в Америке даже не подозревает о существовании нашего города.

МЭР. Что-нибудь перепадет и на нашу долю. Ненужно отчаиваться. (Стучит рюмкой о блюде.) Я всегда прислушиваюсь к голосу народа: привычка старого социалиста. (Франсуа.) Скажите нам, Франсуа, что вы думаете об американской помощи?

ФРАНСУА. Откровенно говоря, господин мэр, я об этом мало думаю. Но если вы меня спрашиваете, я скажу, что хорошо бы получить доллары без американцев.

(Вбегает продавщица газет.)

ПРОДАВЩИЦА ГАЗЕТ (хрипло кричит). Пари-пресс! Новая волна забастовок! Пари-пресс, шестой выпуск!

(Дело лихорадочно просматривает первую полосу.)

ДЕЛО. Что-то не видно ваших американцев. Террор, беспорядки, убытки. Социалисты продолжают болтать о третьей силе, а господа-коммунисты тем временем устраивают забастовки. Это потоп, но без ковчега и без радуги.

РЕДАКТОР. Да, положение отаратительное... Интересно: даже в парижской печати есть про Мари-Лу. А ведь это я пустил... До некоторой степени сенсация...

РИШАР. А вы убеждены, что Мари-Лу действительно здесь?

РЕДАКТОР. Я не господе бог, я только журналист. Я убежден в одном: это—хорошее изобретение.

МЭР. Вы все впали в мистицизм. Как Мари-Лу может быть здесь, когда ее расстреляли в августе сорок третьего?

ДЕЛО. А если ее не расстреляли?

МЭР. Я убежден, что ее расстреляли. Мне рассказал об этом майор фон Шайбергер.

РЕДАКТОР (усмехается). Я не знал, что вы разговаривали с фон Шайбергером.

МЭР. Я с ним не разговаривал. Вы великолепно знаете, что я вел себя, как настоящий патриот. Он со мной разговаривал, вот что!.. Кстати, в вашей газете тогда писали, что немцы хорошо сделали, уничтожив террористку». А ведь Мари-Лу застрелила немца, значит она была патриоткой.

РЕДАКТОР. Во-первых, это была не моя газета. Моя газета «Флабю дю миди» не выходила при немцах, выходила «Флабю дю жур», и я там был только лайчиком. Потом вы великолепно знаете, что я ничего не писал в годы оккупации, кроме заметок о рыбной ловле. У меня есть удостоверение от комиссии по чистке. Я не позволяю никому чернить мое имя! Мы все должны были идти на мелкие уступки. Разве кто-нибудь упрекает господина Дело за то, что он продавал свои ликеры немцам?

ДЕЛО. Странное сравнение! Я не писал при немцах даже о рыбной ловле. Я вообще никогда ничего не писал, и теперь я могу сказать, что я этим горжусь. Я думал не о доходах, я думал о Франции. Кто проиграл бы, если бы я закрыл завод? Немцы обошлись бы без моих ликеров. А французские рабочие умерли бы с голода.

РЕДАКТОР. Но факт остается фактом—за всю мою жизнь я столько не заработал, сколько вы заработали за один сорок третий.

ДЕЛО. Почему вы это говорите сейчас? Почему вы не заявили об этом в комиссии по чистке? Я доказал, что мои доходы не превысили нормы. Я спас старую французскую фирму. Я и до немцев был владельцем завода. А вот если взять господина Ришара...

РИШАР. Можете брать, у меня спокойная совесть. Вы хотите сказать, что во время оккупации я купил четыре дома на улице Гамбетта? Это знают все. Я продал ботам тридорога бранные ботинки. Я их надул—это был вполне патристический поступок. Разве лучше было бы, если бы они надули меня? Все время я был связан с голлистами, и меня смешил, когда господин Дело, который приветствовал маршала Петэна, теперь кидает мне упрек...

ДЕЛО. Интересно, кто вам дал розетку «легиона»—Петэн или де Голль?

(Общий шум.)

ХОЗЯЙКА (просыпается). Какой ужас! Мне приснилось, что это атомная бомба.

МЭР. Друзья, зачем вы соретесь? Мы все были там и все оттуда вылезли. Все это нервы. Как у Мари... Никто никого не подозревает, я это заявляю, как мэр города. Мы все пережили ужасное время...

РЕДАКТОР. Я именно это и говорю, господин Валуа, мы все исстрадались. Я назвал книгу воспоминаний «Дневник мученика». Глупо теперь обвинять друг друга!

РИШАР. Святой Фома Аквинский сказал, что нужно уметь помнить и уметь забывать. Именно поэтому я не могу понять, как может господин Дело...

ДЕЛО. Не я начал. Когда вы обвиняете старую французскую фирму, это наруку господам коммунистам...

МЭР. Не волнуетесь, господин Дело, здесь ведь не коммунисты, мы ваши друзья. Мы все пережили ужасное время. Ма если сравнить его с теперешним...

РЕДАКТОР. Да, теперь не легче.

МЭР. Теперь тяжелее. Я, как старый социалист, вправе сказать, что даже при немцах было лучше... (сдает карту.)

ДЕЛО. Понятно, тогда мы могли надеяться. А теперь каждый знает, что сегодня хуже, чем вчера, и завтра будет хуже, чем сегодня. Теперь нам не на что надеяться. Я не знаю, каким образом воскресла ваша Мари-Лу, но одно ясно: если эта фурия в городе, нам действительно конец.

МЭР (смотрит в карты, бормочет). Не говорите, не говорите. Валет и король, отаратительные карты. Почему мы не на что надеяться? Америка...

Маршалл. Доллары. Бубуль.
Отвратительные карты.

ДЕЛО. Два вальета.
(Все бросает карты.)

РЕДАКТОР. Выиграл господин Дело. Франсуа, получайте, я плачу за все.

ДЕЛО. Не могу даже насладиться выигрышем: пью настойку на ромашке, а это такая гадость, что я не знаю, зачем я, собственно говоря, ее пью!

(Встают.)
Вы говорите, что я выиграл? Нет. Выиграл он.

МЭР (в дверях). Это вы о ком?

(Дело машет рукой. Они уходят.) (Входит Бубуль в дождевнике. Франсуа несет ей стакан пива.)

ФРАНСУА. Добрый вечер, мадмуазель Бубуль!

БУБУЛЬ. Что нового, Франсуа?

ФРАНСУА. Отцы города только что отбыли. А из молодых никого не было. Дождь... (наклоняется к ней). Вон в том углу нечто новое...

БУБУЛЬ. Это что за фрукт?

ФРАНСУА. Анекдот. Самый что ни на есть настоящий американец. Разрешите перенести ваш наблюдательный пункт?

(Бубуль садится за столик рядом с Лоу. Франсуа перебрасывает туда стакан. Она разглядывает Лоу, который не проявляет к ней никакого интереса. В кафе входит новый посетитель, заказывает у стойки рюмку.)

НОВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ (хозяйке). Как поживаете, госпожа Лео?

ХОЗЯЙКА (присыпается). Ужасно! Вы читали анкету об атомной бомбе? Я третью ночь не сплю, не помогает даже валерьянка. А коммунисты! Что вы скажете о коммунистах? Все говорят, будто Мари-Лу выросла. Тогда нам крышка... И ко всему этот дождь. Вы видите, как пусто? Я понимаю, что русские это заслужили. Но при чем тут я?

БУБУЛЬ (Лоу). Вы, как же, скучаете?

ЛОУ. Скучаю! Ничего подобного. Скучать — это метафизика. Я занят делами. А когда я не занят делами, я сплю.

БУБУЛЬ. Простите, я думала, что вы скучаете. Иностранец, нет знакомых... Хотела вас немного развеять болтовней...

ЛОУ (Франсуа). Эй, еще один! (Бубуль). Я пью коньяк, и я думаю. У нас, в Америке, люди не терпят времени. Я могу делать несколько вещей сразу — пить, разговаривать с вами, думать. У нас, в Америке, люди живут восторженно.

БУБУЛЬ. Наверно, после Америки здесь все выглядит бедно, неприглядно!

ЛОУ. Угу. Именно неприглядно. Вместо домов какая-то рухлядь. В гостинице нет ванной. В кафе нет джаза. В булочной нет хлеба. Вообще нигде ничего нет. Я зашел в аптеку, хотел перекусить, а там только слабительное: Глопо и безразвратно. Если бы вы видели город, где я живу!

БУБУЛЬ. Боже! Одним глазом взглянуть на Нью-Йорк! Я видела в кино... Такие небоскребы, что можно вывихнуть шею...

ЛОУ. Нью-Йорк — это не Америка. Там слишком много красных. Я живу в Джексоне. Это столица штата Миссисипи. Бары, банки, небоскребы...

БУБУЛЬ. На каком этаже вы живете? Наверно, на двадцатом?

ЛОУ. На первом. Но я часто бываю на тридцатом, там не живут, там делают доллары.

БУБУЛЬ. И вы тоже делаете доллары?

ЛОУ. Все американцы делают доллары.

БУБУЛЬ. Я вам признаюсь — вы мне очень нравитесь. Вы похожи на моего любимого киноактера. Его зовут Гарри, а фамилия я забыла. Я не могу запомнить ни одной американской фамилии. В вас что-то от кобоя, а с другой стороны, сразу чувствуется нечто вежливое, значительное. Знаете, за кого вас можно принять? За настоящего миллионера.

ЛОУ. Все американцы похожи на миллионеров. У одного миллион. А у других мечты о миллионе. И таких миллионы. Я понимаю, что приятно в этой игре увидеть американца. Но не огорчайтесь. Джин мне сказал, что мы скоро вам поможем. Наш президент даже перестал кушать бифштексы. Он теперь кушает лососину, омлеты и бананы — это чтобы вам помочь. В Джексоне была неделя «Отказа от пирожных» в пользу голодающей Европы.

БУБУЛЬ. Боже, как я хотела бы съесть хоть одно пирожное! Я вам сейчас скажу, сколько я не ела пирожных. (Считает на пальцах.) Три года и четыре месяца. Я даже съела бы с удовольствием обыкновенную белую булочку. (Пауза.) Скажите, а вы не скупой? Я ужасно боюсь скупых.

ЛОУ. В Америке нет скупых. У нас для этого нет времени: мы должны сначала зарабатывать, чтобы тратить, а потом тратить, чтобы зарабатывать.

БУБУЛЬ. Вы чудесный! А я вам хоть немножко нравлюсь?

ЛОУ. Угу. Но зачем говорить о пустяках? Я теперь понял, почему французы выродились — они способны заниматься любовью в абсолютно трезвом состоянии. Я видел в Париже одного метафизика, который ухаживал утром, натащив. Глопо и безразвратно. Мне нужно четыре хороших виски или восемь коньяков, чтобы я заметил, что женщина — это женщина.

БУБУЛЬ (показывая на рюмку). Это который?

ЛОУ. Пятый.

БУБУЛЬ. Франсуа, два коньяка. Для госпожи двойной. (Лоу). У нас маленький город, но и здесь есть люди с размахом. Я недавно встретила одного дипломата. Он приехал в наш город из Парижа; он говорит, что он устал от светской жизни. Он обожает театр, искусство. Он сказал мне, что я могу стать актрисой. Но я боюсь, когда меня слишком долго рассматривают... Он подарил мне вот это... (Внимательно из сумочки ассигнацию.)

ЛОУ. Угу. Пять долларов.

БУБУЛЬ. Вы не подумайте чего-нибудь плохого. Это он подарил на память, как цветок... (Пауза.) Мне сказали, что за доллар теперь дают триста франков. Это правда?

ЛОУ. Триста восемьдесят (смотри на кредитку). Если вам дадут за эту бумажку восемьдесят, берите. Я понимаю, что ваш дипломат любит искусство. Вы знаете, что это? Это настоящая самостоятельность Марселя или Перкинса. Угу.

БУБУЛЬ (вытирает платочком глаза). А я думала купить две пары чулок... Ну все равно... Он такой знаток искусства... А я не жадная...

(В кафе входит хромой певец с аккордеоном. Начинает хрипло петь.)

ПЕВЕЦ. «За что мы воевали,
Скажи, товарищ, мне?
Победу отобрала,
Как ногу на войне...»

(Идет с тарелочкой к посетителям. Хозяйка прислушалась.)

ХОЗЯЙКА. Я вам уже говорила, что это запрещено. Здесь приличная кафе, а не церковь. (Бубуль подбегает к певцу, кладет монету на тарелочку. Певец уходит.)

БУБУЛЬ (Лоу). До войны он хорошо зарабатывал, он был лучшим танцором в городе. Когда я была девочкой, я мечтала, чтобы он хоть раз потанцевал со мной. А потом он пошел на войну и потерял ногу.

ЛОУ. Вы думаете, что в Америке люди ничего не теряют? Бывает, что человек теряет не только дурацкую ногу, но миллионы. Один торчит, другой находит. Это потому, что у

нас чистая инициатива. Вы думаете, что в развлекательной этой вонючей дыре? Ничего подобного. Джин мне сказал, что здесь много рухляди. Я лично не терплю ничего старого, но они на Пятдесят девятой улице ахают: «Ах, Людовик XVI! Ах, средневековый горшок!» По-моему, кино «Глория» в Джексоне куда красивее Собора парижской богемности. Но есть антиквары, есть закон спроса и предложения. Я здесь всего один день, и с меня хватит. Хлам, трущобы, бездельники. И повсюду этот лев. Говорят, он достопримечательность XV века. А что в нем хорошего? Вы знаете, на кого он похож? На пуделя из бродячего цирка. Лев не должен стоять на задних лапах, это глупо и безразвратно.

БУБУЛЬ. Я привыкла, не замечаю... А почему он вас занимает?

ЛОУ. Потому что в Америке много сумасшедших. Вы знаете, сколько дадут за такого льва на Пятдесят девятой улице? Десять тысяч долларов. Угу.

БУБУЛЬ. Вы изучаете древности?

ЛОУ. Я изучаю древности! Ничего подобного! Я проявляю частную инициативу. Это куда труднее. Мне сорок лет, и я хочу жить. Если нужно, я поеду на полюс. Если нужно, я поеду даже в Москву.

БУБУЛЬ. К нам никогда не приезжают иностранцы. Вот в Азиньоне папский дворец. В Ниме римские арены. В Марселе порт. А у нас ничего нет. Разве, что этот лев...

ЛОУ (что-то записывает, Франсуа).

Еще один!

БУБУЛЬ (нерешительно). У вас в нашем городе дела?

ЛОУ. У меня всегда дела. Вчера я был занят пропеллерами. Сейчас меня занимает этот старый пудель. Может быть, завтра я займусь спасением Европы от разрухи. Мы, американцы, умеем в одно мгновение менять профессии, мысли, цифры. Мы живем восторженно.

(С улицы доносится песня):

«Ты пламя партизанское
Раздуй в своей груди;
Нам нужно снова Францию
От уз освободить!»

ХОЗЯЙКА (присыпается). Какой ужас! Это Мари-Лу!

ЛОУ. Кто это Мари-Лу?

БУБУЛЬ. У нас ее все знают. Во время оккупации она среди белого дня застрелила немецкого команданта. На главной площади, возле льва...

ЛОУ. Угу. Смелая.

БУБУЛЬ. Конечно, она ведь коммунистка.

ЛОУ. Коммунистка! У нас тоже есть коммунисты, но мы решили с ними не церемониться. Где эта женщина?

БУБУЛЬ. Ее расстреляли немцы. Но теперь говорят, будто она снова в городе. Тогда это чудо, потому что ее расстреляли.

ЛОУ. Мы, американцы, не верим в чудеса. Мы реалисты. Конечно, это плохо, что ее расстреляли немцы, но что ее расстреляли — это хорошо. С коммунистами нельзя жить — они мешают делать доллары. Вы думаете, в Америке нет красных? Сколько угодно. У нас в Джексоне один коммунист начал говорить, что нужно русских оставить в покое. Мы ему предостерегли покой... в городской тюрьме. Впрочем, зачем говорить о пустяках? (Что-то записывает.)

БУБУЛЬ. Неужели, когда с вами разговари-

еет молодая женщина, вы продолжаете думать о делах?

ЛОУ. Я всегда думаю о делах. Даже когда я сплю. Если человек не занят делом, он начинает думать о пустяках: один сочиняет стихи, другой целуется натошак, третий становится коммунистом. Здесь много таких метафизиков, оттого вы и гибнете. А мы—молодой народ, мы заняты делом. Почему мы стали первой нацией в мире? Потому, что у нас много дел и много долларов. (Франсуа.) Еще один! (Бу-буль.) Вот вы увидели, что я американец, и сразу ко мне подсел. Это понятно. Это как план Маршалла, это как шестнадцать наций... А если бы я сказал, что я русский, вы бы, наверно, убежали. Потому что русский не может вам ничего дать, русский может только любезничать. Угу. Я реалист, и я понимаю, почему вы мне улыбаетесь. Сейчас у меня ничего нет, чековая книжка и перспективы. (Франсуа.) Еще один! (Бу-буль.) Я не хочу вас обманывать... (Лоу все более и более пьянеет.)

БУБУЛЬ. Вы меня уже обманули — вы сказали, что после восьми коньяков вы становитесь кавалером, а это девятый, и вы все еще не замечаете, что я женщина. Право, я предпочла бы, чтобы вы были русским.

ЛОУ. Вы коммунистка?

БУБУЛЬ. Избави бог!

ЛОУ. У нас за такие разговоры вас отвели бы в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Угу.

БУБУЛЬ. Не нужно меня водить. У меня все документы в порядке. Вы можете спросить Франсуа, я ведь здесь бываю каждый вечер, это мой генеральный штаб.

ЛОУ. Прием тут штаб? Мы справимся с ними и без вас. Я видел одного русского, он даже не знал, что такое пылесос. Джим мне сказал, что русские прикатили в Берлин на наших машинах. Как тебя зовут?..

БУБУЛЬ. Бу-буль.

ЛОУ. Глупо и безразлично. А ее зовут «Гильда». Когда ее кинули в море, все острова разлетелись на кусочки.

БУБУЛЬ. Зачем вы это говорите? Я так боюсь! Когда нас бомбили, я кричала, как резанная. Неужели снова будет война?

ЛОУ. Угу. Обязательно. Пора с ними кончать — они нам мешают делать доллары. Джим сказал, что тридцать—сорок «гильд», и они разлетятся вдребезги.

БУБУЛЬ. Кто это Джим?

ЛОУ. Мой приятель.

БУБУЛЬ. Он, что же, пишет в газетах? Или генерал?

ЛОУ. Он, как я, всесторонний ум. В газетах пишут пачкуны. А генералы — это техники. Один проводит электричество в квартире, другой устраивает десанты. Мы все проявляем инициативу. А Джим сейчас в Париже. С миссией... Угу.

БУБУЛЬ. Он, может быть, сенатор?

ЛОУ. Я тебе говорю, что он больше, чем сенатор,—он занят делом. Когда я встречаю в Джексоне нашего сенатора, я ему говорю: «Хелло, Джек, как дела?»,—и он не знает, что ответить. (Франсуа.) Еще один!

БУБУЛЬ. Значит, вы знакомы с сенаторами?

ЛОУ. Знаком, когда хочу...

(Вбегает продавец газет.)

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ. Франс-суар! Приезд новых американских наблюдателей! Франс-суар! Последний выпуск! (Франсуа берет газету и весело подмигивает Бу-булю.)

БУБУЛЬ. Боже мой!.. Я ничего не понимаю... Неужели это правда?.. Но я не привыкла разговаривать с такими важными людьми... Вы не должны на меня сердиться, я не была никогда в Париже, я была только четыре дня в Марселе. А здесь нет высшего общества. Разве что мой дипломат. Но вы видели, как он меня надул... Вы, наверно, познакомитесь с мэром, я его знаю. Хитрый, а дурак. Редактор мне больше нравится. Но что редактор? Это, как вы сказали, пачкун. Простите, если я вам сказала что-нибудь лишнее, я ведь никогда не разговаривала с такими высокопоставленными мужчинами. Скажите, вы здесь инкогнито?

ЛОУ. Угу.

БУБУЛЬ. Тогда я не спрошу, как вас зовут.

ЛОУ. А тебя зовут Бу-буль. Бу-буль. (Смеется.)

БУБУЛЬ. Боже, как это замечательно! Я думала, что такие вещи случаются только на

экране (прижимается к нему). Милый... Ты такой необыкновенный. Ничего, что я говорю тебе «ты»? Я от счастья теряю голову. Я сижу с человеком, который знает всех сенаторов. Это, как в сказке... Милый, ты, может быть, знаком и с президентом?

ЛОУ. Угу. Недавно я забежал в Белый дом, пожал ему руку. Откровенно говоря, он не производит большого впечатления. Я лично предпочитаю Джиму. Но пока он президент — пускай. Он никому не мешает делать доллары.

БУБУЛЬ. Боже, никогда я не думала, что мне так повезет! У меня есть подруга, она живет не здесь, а в Арле. Ей тоже повезло: на ней хотел жениться один американский лейтенант. Но ведь то был простой лейтенант, а ты знаком с президентом. И потом он на ней не женился. Он обещал ей прислать стеклянные чулки и надул. Милый, ты ведь приехал сюда с важной миссией, правда? Я никому не расскажу...

ФРАНСУА. Прошу прощения, сударь, закрываем: в одиннадцать выключают свет.

ЛОУ. Глупо и безразлично.

ФРАНСУА. Вот именно. Я читал, что в Германии кафе открыты до двенадцати. Почему же победители должны жить хуже побежденных?

ЛОУ. Я вас отправлю в комиссию по антиамериканской деятельности. Официант не должен философствовать, официант должен подавать. Когда человек занят делом...

БУБУЛЬ. Милый, ты выпил одиннадцать коньяков, и ты еще думаешь о делах?

ЛОУ. Угу.

ФРАНСУА. С вас, сударь, тысяча четыреста франков. Чаевые не включены.

ЛОУ. Чаевые не включены. Как свет... У меня сейчас нет долларов. Чековая книжка и перспективы.

ФРАНСУА (хозяюшке). Мечтал о долларах без американцев, а получил американца без долларов.

ХОЗЯЙКА (просыпается). Какой ужас! И ко всему эта бомба...

(Свет гаснет.)

ЛОУ. Угу. Знаешь, я кажется начинаю замечать, что ты — женщина.

(Продолжение следует.)

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Сергей НАРОВЧАТОВ

Пусть самой смертью подожжен пожар...
Но посреди обугленной планеты
Вручает смертным людям комиссар,
Как право на бессмертье, партбилеты.

Без громких слов и просветленных слез,
В своих переживаниях неречисты,
Платить свой первый и свой кровный взнос
Уходят молодые коммунисты.

И сто веков над миром прошумит,
Но в языке всесветного народа
Святое слово память сохранит
О рыцарях 42-го года.

Оно расскажет, как со смертной тьмой
Мы совладали в светопреставленье,
Как белый свет и честный род людской
Спасло мое стальное поколение.

Духовный мир безмерной чистоты
Оно откроет перед их глазами,
И вместе с ним — мы верим — я и ты
Войдем в века за нашими вождями.

Оно расскажет, как прошли в борьбе
Мы весь 47-й, послевоенный...
Святое слово! Светоч всей вселенной —
ВКП(б)!

Рисунок Л. Голованова.

Судьбы

Деревенский школьник—инженер

С дукорской семилетней школой я распрощался в 1929 году, мне было тогда около шестнадцати лет. Спустя два года в минской школе строителей я получил специальность каменщика-штукатура. В моей жизни это было важным этапом: от школьной скамьи — к самостоятельному труду.

Работая на стройках Минска, я полюбил свое дело. От меня самого зависело продолжение образования: все дороги были открыты. И вот в 1932 году я поступил в Ленинградский автомобильно-дорожный институт, а через шесть лет защитил перед государственной комиссией дипломный проект. Получил оценку «отлично» и звание инженера-строителя дорог и мостов.

Я всегда помню родную Дукорку и ученические годы. Там мои первые учителя прививали мне любовь к труду. И самым близким учителем, другом был Василий Саввич Горбачев.

С начала войны я находился в рядах Советской Армии, в технической части, на обороне Ленинграда. Участвовал в строительстве знаменитой «дороги жизни» на Ладожском озере, соединявшей Ленинград со страной.

Я постоянно поддерживаю связь с Дукоркой и своей старушкой мамой Еленой Тарасовой.

Размышляя о своей биографии, я вижу в ней жизненный путь миллионов людей, которым советский строй открыл все возможности полного человеческого счастья. Жутко думать о той судьбе, которая ждала бы нас, детей крестьян-бедняков, не будь социалистической революции.

Инженер Пантелеймон Гляцевич

Ленинград.

Артистка белорусской драмы

Прочитав в «Огоньке» очерк о дукорской интеллигенции, я подумала: быть может, читателям журнала интересно услышать об ученице дукорской школы, ставшей артисткой; если не ошибаюсь, за тридцать советских лет я единственная из дукорцев, кто пошел по этому пути...

После начальной школы (окончила ее на «пятерки», а по арифметике было даже «четыре с плюсом») я в 1916 году выдержала экзамен в женскую учительскую семинарию в городе Борисове. Лето 1918 года — первое советское лето — проводила в родной деревне. Наши дукорские учителя задумали поставить спектакль и предложили мне сыграть роль веселой, озорной горничной в каком-то водевиле. Было мне пятнадцать лет, никогда не видела я театра и даже кино; было страшно, но я согласилась. На другой день роль знала наизусть. Как играла, не помню, но после спектакля — на танцах под гармошку — не было отбоя от кавалеров; танцевала, не разгирмировавшись, и все поглядывала в зеркало (играли в бывшем помещичьем доме). Какой красавицей казалась себе! С того вечера и зародилось желание играть. Мечтала: стану учительницей и буду устраивать спектакли со своими учениками...

Однажды с нашим учителем Василием Саввичем Горбачевым мы порешили спеть отрывок из «Демона». Я подала мысль — сыграть, а он, неутомимый энтузиаст самодеятельного искусства, загорелся: спеть! Я и не предполагала, что спектакль можно петь, но Василий Саввич научил меня «с голоса»: «Ночь тиха, ночь светла...» Голос и слух у ме-

Интеллигенция Дукорки

Километрах в пятидесяти от столицы — Минска — и в десяти от ближайшей железнодорожной станции, среди необозримых полей, лежит небольшая белорусская деревня Дукорка. За 38 советских лет из этой безвестной деревни вышло более 150 человек с высшим образованием: педагогов, инженеров, агрономов, врачей, военных специалистов, юристов, ученых, экономистов, работников искусств.

Педагог дукорской средней школы Василий Саввич Горбачев обучает уже третье поколение сельской молодежи; его учениками в советское время были 1500 крестьянских детей.

Об этом рассказывалось в очерке Л. Хвата «Интеллигенция Дукорки», напечатанном в «Огоньке» (№ 44—45 за 1946 год). За 1947 год в редакцию поступил ряд писем от бывших воспитанников дукорской школы; много теплых, трогательных писем от своих прежних учеников получил сам В. С. Горбачев. Его воспитанники живут по всей Советской стране: в Белоруссии и Закавказье, в Ленинграде, в Казани, в Заполярье и в Сибири, работают за рубежом. Жизнь.

Ниже мы помещаем некоторые из этих откликов.

Я были. Несколько дней я носилась, как одержимая; вымолила у кого-то пару тюлевых занавесок, смастерила из них, не разрезав, платье и головной убор; сшила туфли. Трико черное у Василия Саввича имелось, а из кумача сделала плащ, и — спели...

Профессиональной артисткой я не думала, но тут как раз приехали члены правительства на митинг в соседнее село и вызвали меня. Пошла по деревне молва: «За Тацяна на машине приехали!». Все это было неожиданно и страшно: перелом в жизни! Помню благословение мамы, которой я кое-что объяснила, почему пришла за мной в нашу крохотную хату.

Начались занятия в белорусской студии в Москве. Наши руководители — самозабвенные энтузиасты, а мы «дикие», ничего не знающие любители, но с открытыми глазами и сердцем. То, что преподаватели заронили в нас и развили, так крепко «сидит», что останется на всю жизнь. С тех пор я, как умею,

четырех

служу своему дорогому народу, являясь актрисой Белорусского драматического театра имени Я. Коласа и одной из его основательниц.

Связь с нашей Дукоркой у меня давно порвалась, но то, что дала мне дукорская школа, явилось основным и надежным «грунтом»; дальше я всегда училась успешно. Дорого мне влияние учителя Василия Саввича: свое увлечение искусством он передал мне, и я стала актрисой. А главное, он научил меня любить и понимать народное творчество. Всегда Василий Саввич говорил очень образно, сочно и остроумно; поразительны его знания обычаев, сказок, песен. О своем учителе я вспоминаю с благодарностью.

Коротко о нашей семье. У отца до революции было восемь детей (да две десятины земли). После окончания сельской школы (у того же Василия Саввича) мой брат Владимир получил в советское время высшее образование и стал инженером-строителем; Николай, проработав три года у деревенского кузнеца, тоже учился, и с 1944 года он главный конструктор завода тяжелого машиностроения в Донбассе; Иван — заместитель начальника цеха на крупном заводе в Казахстане; сестра Елена — экономист в одном из министерств Белорусской ССР; трое братьев — Алексей, Сергей и Илья — не вернулись с фронта Отечественной войны.

Татьяна Бондарчик, артистка Белорусского государственного драматического театра имени Я. Коласа.

г. Витебск, БССР.

Двадцать пять лет спустя

Любимый Василий Саввич!

Я прочел в журнале «Огонек» очерк «Интеллигенция Дукорки». Вы не поверите, с какой радостью узнал о Вас, мой дорогой учитель, с каким волнением рассматривал на фотоснимках знакомые черты любимого старшего друга своей юности — Василия Саввича.

За тысячи километров от родных мест не один раз вспоминались мне школьные годы, друзья, учителя, и на первый план вставал всегда образ Василия Саввича. «Огонек» снова напомнил мне о счастливой юности в дукорской школе, об ее строителях, не жалевших сил для народного просвещения.

Я и теперь, двадцать пять лет спустя, могу дословно пересказать Ваши наставления крестьянской молодежи. Помню, как Вы читали нашему классу свою пьесу «Чырвоныя кваткі Беларусі», как дрожал Ваш взволнованный голос, а мы, школьники, не могли сдержать слез и, сжимая кулаки, готовы были броситься на ненавистных врагов социализма, чтобы отомстить за смерть лучших сынов нашего народа, за смерть героев, которых мы знали и лично... Помню, как во время белополянской оккупации меня «за безбожие» вышвырнули в холодную зиму из класса на улицу и как Ваше заступничество дало мне возможность продолжать учебу... Не забыты и школьные экскурсии во главе с Вами в сельскохозяйственное училище и в Минск, где мы, подростки, впервые познакомились с театром. А сколько потом мы сами, под Вашим руководством, ставили спектаклей! О, как хотел бы я, пусть на миг, снова стать юношей Петей Осипчиком, учеником жизнерадостного и неутомимого молодого Василия Саввича!

Под впечатлением прочитанного я много рассказывал товарищам о дукорской школе, о нашей деревне, с брезвечным настилом на единственной улице, а нынче рассказывал о былых школьных днях своим двум дочуркам, ученицам 3-го и 1-го классов.

Последний раз я Вас видел, пожалуй, лет

Жемчужина Урала

Урал — жемчужина Советского Союза. В недрах Урала представлены почти все элементы периодической системы Менделеева.

В городе Свердловске, во всемирноизвестном Уральском геологическом музее, собрано около двадцати тысяч образцов горных пород. Автор чудесных уральских сказов Павел Петрович Бажов, побывав здесь, сказал: — Даже нам, давно живущим на Урале, надо бывать в этом музее Уральских гор как можно чаще, и каждый раз он поразит новой гранью.

На полированных подставках лежат тяжелые черные массивные куски породы. До 1930 года сокровища горы Магнитной, представленные этими образцами, лежали втуне. Академик А. Н. Заварицкий впервые подсчитал запасы этой горы. На их базе был построен величайший в Европе Магнитогорский металлургический комбинат, носящий имя И. В. Сталина.

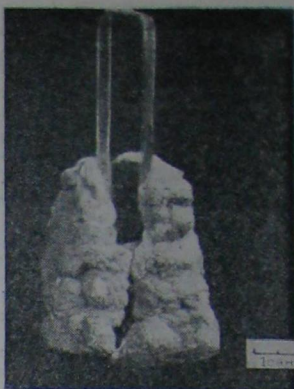
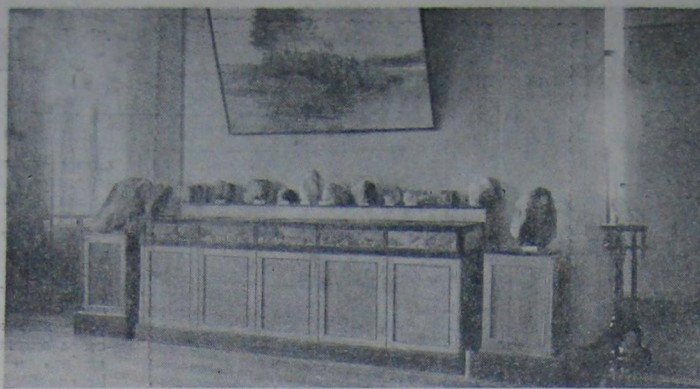
Шершавые красноватые глыбы. Это бокситы, найденные несколько лет назад на севере Урала инженером-геологом Н. А. Каржавиным. Сейчас из североуральских бокситов извлекается первосортный алюминий.

Рядом с бокситами уральский марганец. Основным поставщиком марганца для промышленности до недавнего времени был Никополь. Когда немцы захватили Никополь, за границей считали, что советская металлургия попадет в затруднительное положение, ибо без марганца стали не сварить. Тогда-то геологи Урала и открыли Марсское и Полуночное марганцевые месторождения. Мартены советских заводов продолжали бесперебойно варить сталь.

Беловатые рассыпчатые камни. Это так называемое «горное мясо», асбестовая руда высшего класса. Возьмите несколько кристаллов, сомните их пальцами — они превращаются в пышную легкую вату. Из этой ваты изготавливается материал для пожарных костюмов, рукавиц и т. п.

Следующий отдел музея посвящен драгоценным и полудрагоценным камням.

Темнофиолетовые аметисты обладают свойством изменять свой цвет. Вечером они загораются кроваво-красными огнями. Один иностранный ученый, по-

На снимках: Уральский геологический музей, отдел полезных ископаемых; крупный кристалл; «каменный цветок», кристаллы арагонита; след зубов акулы на камне.

селившийся музей, оставил в книге отзыв выразительную запись: «Действительно, стоило проехать много тысяч миль, чтобы увидеть аметисты Урала».

С аметистами соперничают красотой изумруды, дымчатые и золотистые топазы, аквамарины, бриллианты.

Вот лучшая в мире коллекция знаменитых уральских яшм. Трудно оторвать взгляд от причудливых узоров этого камня. Кажется, они нарисованы художником. Но автор этих пейзажей — сама природа. Рассказывают, что сюда, в музей, нередко приходят художники, чтобы сделать наброски с узоров яшмы.

Под стеклом соседней витрины лежит редкий «еврейский камень» (его называют также «письменный гранит»). Камень состоит из трех минералов: полевого шпата, слюды и кварца. Кристаллы кварца в толще по-

левого шпата действительно напоминают древние еврейские письмена.

Вот еще несколько игрушек природы: крупный кристалл арагонита, похожий на каменный цветок; кусок прозрачного горного хрусталя, пронизанный тончайшими темными нитями, — такая разновидность горного хрусталя называется «волосатик».

Бесценны сокровища музея. Образцы платины, самородного золота, алмазов, искусные изделия из малахита, орлец, опита, серпентина... Музей не зря называется «Жемчужина Урала»!

Валерьян Владимирович Куйбышев, чье имя носит улица, где находится музей, когда-то призвал комсомольцев и пионеров изучать богатства своей Родины, помогать работе советских геологов. Этот призыв глубоко запал в души молодежи. Фонды музея беспрерывно пополняются. Сюда сдают свои находки и профессиональные охотники за

каменьями, и студенты, и пионеры, вернувшиеся из походов по родному краю. В дар музею приносят свои коллекции многие научные работники. Совсем недавно профессор А. Е. Малахов подарил музею свою коллекцию образцов породы с вкраплениями молибдена, а инженер З. И. Кравцова — редкие образцы чешуйчатого графита.

Музей — подлинное детище Урала. Уральцы любят его и гордятся им. Особенно ярко их чувства выражает одна из записей в книге отзывов:

«Во всей своей красоте, силе, могуществе, богатстве встала перед нами «земля золотая» — Урал. Чувство законной гордости охватило все существо при мысли, что мы уральцы; что мы люди, которым дана возможность жить, работать и творить в таком богатейшем крае, как Урал...»

Мих. Златогоров

двадцать назад. Уже двенадцать лет я офицер Советской Армии; сейчас — партийно-политический работник войскового соединения, в звании подполковника. Занимаюсь на философском факультете Университета марксизма-ленинизма.

Желаю Вам счастья и здоровья на многие годы. Обнимаю Вас и жму Вашу руку.

Ваш бывший воспитанник подполковник
П. Г. Осипчик

P. S. Если Вы позабыли мою фамилию, быть может, вспомните худощавого юношу с римским носом, своего ученика в 1918—1922 годах из деревни Голоцк...

Источник гордости

Мой дорогой учитель!

Находясь далеко от Родины, от земли, на которой родился, рос, учился, понимая жизнь и приобретая основные познания, я встретил ваше, Василий Саввич, имя и другие близкие имена в журнале «Огонек» и погрузился в отдаленные, но дорогие сердцу воспоминания.

Светлыми и радостными представляются мне годы жизни и занятий в Дукорке. С уважением и гордостью называю я имена людей, которые своей душевностью и теплотой, старанием и опытом умело развивали в детях лучшие человеческие качества, воспитывали нас чувства любви к своей Родине и народу, к своему языку.

Не скрою от Вас, что статью в «Огоньке» я с восторженной радостью за земляков и товарищей по школе читал десятки раз своим друзьям и просто знакомым. Это вызывало и у них поток воспоминаний, и каждый с такой же теплотой и гордостью говорил о своем «Василии Саввиче» — учителе и воспитателе.

Горжусь тем, что наша Дукорка дала стране сотни преданных строителей коммунистического общества, советскую интеллигенцию, специалистов для различных областей народного хозяйства, обороны страны и социалистической культуры.

Никогда не забудем мы тех, кто отдал жизнь за свободу, счастье и процветание сотен тысяч Дукорок. Глубоко горе испытать и, узнав о гибели на фронтах моих дорогих друзей — Тихона Лабуса и Шуры Каледа...

Несколько строчек о себе. Скоро девять лет, Василий Саввич, как я вступил в жизнь, выйдя из стен нашей школы. Окончив до войны танковое училище, я воевал в 1941 году на танке, был ранен и получил тяжелые ожоги в горящей машине. Потом полтора года учил на Урале молодых танкистов, а в начале сорок третьего добровольно вернулся на фронт. Прошел путь от Сталинграда за Карпаты. Был снова ранен. Участвовал в освобождении Праги, взятии Будапешта и Вены. Имею шесть правительственных наград. В прошлом году окончил с отличием танкотехническое училище... Вот так, воюя и участвуя, провел девять лет. Заночко занимаюсь на инженерном факультете академии, думаю за три года осилить. Досуга у меня, пожалуй, и не бывает... Если бы Вы, Василий Саввич, только знали, как хочется скорее вернуться на родную землю!

Посылаю искренний привет Павлу Никитичу, Валентине Кузьминичне и всем, кто помнит наш школьный выпуск. От всего сердца желаю Вам плодотворной работы, здоровья и долголетия.

Ваш ученик Василий Алексеевич

Н. А. НЕКРАСОВ.

Портрет работы И. Н. Крамского, 1877 год.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Портрет работы И. Н. Крамского. 1871 год.

МОЛОДЕЖЬ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Фото
А. Горштейна

Творческий отчет молодых исполнителей Государственного ордена Ленина академического Большого театра СССР, отчет большого коллектива молодежи, — весьма интересное театральное событие. Перед общественностью Москвы выступили артисты — воспитанники советской эпохи и их руководители — режиссеры, постановщики, тоже выросшие, как мастера, уже в наше время.

Это был своеобразный парад творческих достижений нашей театральной молодежи: балетной, вокальной, инструментальной. Парад, глубоко осмысленный, ибо молодые артисты Большого театра сумели показать в этом концерте не только, как великолепно и благородно они восприняли лучшее из классического наследия русского балета, вокала и музыки, но и как созвучно их творческим и духовным устремлениям все современное.

Свыше 75 человек участвовало в этом концерте — цифра сама по себе огромная. Приятно отметить также, что среди этой молодежи есть таланты, удостоенные высокого звания лауреата Сталинской премии и заслуженного артиста республики и завоевавшие славу не только у нас в стране, но и на фестивале демократической молодежи в Праге летом этого года. Мы говорим о пяти участниках отчетного концерта в Большом театре — певцах Веронике Борисенко, Леонарде

«Гран-па» из балета Глазунова «Раймонда».

Танец «Натуралист» в исполнении Г. Фарманиянца.

Масленниковой и Иване Петрове, танцовщице Юрии Кондратове и солисте-трубаче Тимофее Докшицере.

Центральным номером вечера было выступление балерины Майи Плисецкой в отрывке из балета Чайковского «Спящая красавица» (постановка Асафа Мессерера). Адажио в тонком исполнении Плисецкой раскрывает большое лирическое дарование талантливой танцовщицы.

«Гран-па» из балета Глазунова «Раймонда» в исполнении 17 молодых танцовщиков и танцовщиц во главе с Л. Черкасовой и Ю. Кондратовым воскрешает лучшие традиции классического балетного спектакля, поставленного несколько десятилетий назад знаменитым русским балетмейстером М. Петипа. Танцы Л. Черкасовой своим благородством завоевывают успех у зрителя.

Большая эмоциональная насыщенность, четкость художественного рисунка и глубокая проникновенность отличают «Вальс» (музыка А. Рубинштейна), исполненный балетными артистами И. Тихомировой, недавно получившей звание лауреата Сталинской премии, и Г. Фарманиянца. Приятной неожиданностью было выступление молодой певицы Е. Смоленской, принятой недавно в труппу Большого театра. Ей, обладательнице драматического сопрано с хорошими вокальными данными, несомненно, предстоит большое будущее.

Второе отделение концерта в основном было

посвящено музыке и балетам современных композиторов. Коллектив молодых артистов Большого театра блистнул остроумной выдумкой и находчивостью, создав ряд интересных балетных номеров на международные темы — «Международное кафе» (постановка А. Радунского и Л. Варламова) и «Заокеанский корреспондент» (постановка Л. Варламова).

Превосходным номером этой части программы было выступление народного артиста БССР, лауреата Сталинской премии А. Ермолаева, преподающего молодежи Большого театра своеобразный «подарок». Исполненный им новый балетный номер «Агрессор», острый по форме и злободневный по содержанию, будет пользоваться популярностью у советского зрителя.

В организации вечера молодежи Большого театра приняли участие выдающиеся мастера советского балета лауреаты Сталинской премии: Р. Захаров, А. Мессерер, В. Бурмейстер, заслуженный артист РСФСР А. Радунский, Л. Поспехин, дирижер Ю. Файер, оркестр Большого театра и др.

Всяческое поощрение заслуживает инициатива коллектива молодежи Большого театра, решившего показать весь этот концерт во Дворцах культуры и на подмостках рабочих клубов.

А. ШИНСКИЙ, Л. МИХАЙЛОВ

Выступает молодая артистка Большого театра певица Е. Смоленская.

Танец «Агрессор» в исполнении лауреата Сталинской премии А. Ермолаева.

А мечтаю...

...чтобы советские музыканты и в 1948 году прославили Советскую страну новыми выдающимися произведениями.

Ф. ШУРПИН.

...чтобы в 1948 году Комитет по делам искусств и Академия художеств основали, наконец, постоянный музей советской живописи, скульптуры, графики — мечту всех советских художников.

В. ШТРАНИХ.

...чтобы в 1948 году «Крокодил» не был таким,

«Огонек» не был таким,

плакаты не были такими

и автор этих пожеланий не стал бы таким. М. ЧЕРЕМНЫХ.

НАУКА

Научные предвидения Н. А. Морозова

Беседа с академиком
С. И. ВОЛЬФКОВИЧЕМ

Летом 1946 года умер выдающийся гражданин нашего отечества, почтенный академик Николай Александрович Морозов — ученый-энциклопедист и писатель, старейший революционер-шиллессбургец. Он был похоронен в усадьбе «Ворок» — бывшем отцовском имении, которое, по указанию В. И. Ленина, было передано в пожизненное пользование Н. А. Морозова. Сейчас в «Ворке» по решению правительства организуется музей имени академика Морозова.

Перу Н. А. Морозова принадлежат работы по математике, физике, химии, астрономии, геофизике, метеорологии, авиации, истории. Кроме того Н. А. Морозов написал ряд автобиографических, мемуарных и публицистических произведений и даже стихов. Среди всех этих работ особое место принадлежит книге «Периодические системы строения вещества», впервые изданной около сорока лет назад. Специальная комиссия по разбору научно-литературного наследия Морозова приняла решение переиздать эту, полную научного предвидения книгу. В XVI томе (выпуск 3-й) журнала «Успехи химии» профессор М. И. Усанович дает анализ мыслей и взглядов Н. А. Морозова, изложенных им в его замечательной книге.

Над книгой «Периодические системы строения вещества» Н. А. Морозов работал, находясь в одиночном заключении царской тюрьмы в Шлиссельбурге, в восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия. Как и ее автор, эта книга была осуждена на бессрочное заключение. Н. А. Морозов пытался ее обнародовать, но — увы! — безуспешно. Однажды, когда каземаз посетил тогдашний министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, Морозов просил отдать книгу Д. И. Менделееву или другому выдающемуся русскому химику — Н. Н. Бекетову. Царский сатрап взял рукопись, но передал ее более благонадежному ученому, профессору Д. П. Коновалову. Не согласившись со смелыми, пророческими высказываниями автора книги, Коновалов тем не менее дал о работе Морозова лестный отзыв. Это, однако, ни к чему не привело: книга вернулась в одиночную камеру к Н. А. Морозову. Так она и осталась бы с ним в безрочном заключении, если бы не революционные дни 1905 года, которые освободили Морозова из заключения. Он вынес из тюрьмы двадцать шесть томов различных рукописей и среди них ту, о которой сейчас идет речь. В 1907 году крайне ограниченным тиражом вышла книга «Периодические системы строения вещества». Она не привлекла внимания широких научных кругов. Но не немногие деятели науки, которые внимательно прочли работу, были поражены смелостью мыслей автора и заговорили о необходимости проверки и дальнейшего развития идей Морозова.

Во время своего 28-летнего одиночного заключения Н. А. Морозов изучал проблемы химии и физики и одина-

дцать языков. Но проверить свои мысли и выводы лабораторным путем он не мог.

Особое внимание Н. А. Морозов уделял вопросам строения вещества. К этому разделу науки и относится его научные предвидения, нашедшие свое подтверждение спустя полвека.

Заместитель председателя комиссии по разбору научно-литературного наследия Н. А. Морозова академик С. И. Вольфович кратко охарактеризовал по нашей просьбе взгляды покойного почетного академика, с которым он был хорошо лично знаком и с которым в последние годы находился в переписке.

— В книге «Периодические системы строения вещества», — сказал корреспонденту «Огонька» С. И. Вольфович, — и в другом, вышедшем несколько позднее труде «Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего» Николай Александрович Морозов развивает мысль о сложном строении атомов и обосновывает сущность периодического закона химических элементов. Надо помнить, что эти идеи были высказаны Н. А. Морозовым еще до известных работ Рамзая, Кюри, Бора, Розерфорда и других!

С. И. Вольфович обратил наше внимание на следующие строки в книге Н. А. Морозова:

«Можно ли отсюда заключить, что атомы основных веществ, заключающихся в нас и в окружающих нас телах, не распадаются никогда на более первоначальные частички при каких-либо иных космических условиях, вроде тех небесных пожаров, которые обнаруживаются время от времени при спектральном исследовании внезапно вспыхнувших звезд? Конечно, нет. С таким же правом мы могли бы сказать, что все виды животных и растений существуют вечно!»

Есть много данных за то, что атомы химических элементов тоже совершают свою эволюцию в бесконечной истории мироздания...

Но все эти идеи, а также самая мысль о возможности эволюции химических элементов на более первоначальные вещества уместны только в том случае, если мы будем рассматривать современные атомы, как единичные сложные...

Когда Морозов писал эти строки, физика и химия учили, что элемент есть неделимая и не подлежащая изменению основа. Н. А. Морозов страстно утверждал обратное. Говоря о задачах химии будущего, он подчеркивал, что она должна заняться «синтезом элементов». Атомы — не простые тела, а сложные системы, состоящие из ядра и Н. А. Морозов,

— Он считал, — поясняет С. И. Вольфович, — что в каждом атоме содержится электроны — «катоды» и «аноды» — неизвестного еще по своим свойствам протоземента «небулария». «При распаде каждого атома, — говорил Н. А. Морозов, — образуется гелий».

За полвека, истекшие с тех пор, как были высказаны эти мысли, идеи Морозова о сложности атомов и возможности объяснения периодиче-

ского закона на основе строения атомов получили полное экспериментальное подтверждение. Замечательно, что, опираясь на свою гипотезу о строении атомов, Н. А. Морозов пришел к не менее важным выводам, в наши дни нашедшим подтверждение в ряде открытий.

Развивая свои представления о строении атомов, Н. А. Морозов был чрезвычайно близок к одному из основных принципов теории относительности.

Структурные формулы Н. А. Морозова не передают действительное строение атомов: в них нет деления на ядро и оболочку. Модель Морозова принципиально отличается от современных представлений и по другим признакам. Но тем не менее сущность названного русского ученого смело и уверенно стал на точку зрения о сложном строении атомов, о превращении элементов, об искусственном получении радиоактивных элементов, о необычайных запасах внутриатомной энергии и возможности ее использования.

«То, что было безумной мечтой у древних алхимиков, — писал почти 50 лет назад Н. А. Морозов, — может скоро сделаться бескорыстным приобретением науки. Но только вместо превращения ртути в золото, как думали они, теория подсказывает нам совершенно обратный метаморфоз: превращение самого золота в ртуть посредством действия эманации радия на раствор какой-либо его соли...»

В другом месте он пишет: «Нельзя ли расценить уже сложившиеся атомы обыкновенного телла на такие же полуатомы посредством действия на них могучим разрядом электричества?»

Обосновывая сущность периодической системы Морозов построил периодическую систему «карбонидов», то есть наиболее распространенных органических соединений — углеводородов. Работа над этим привела его к мысли, что обязательно должны существовать химически инертные элементы. Велика была радость Н. А. Морозова, когда несколько лет спустя он узнал, что открыты инертные газы — аргон, неон, криптон и другие.

Н. А. Морозов, сидя в тюрьме, конечно, не имел экспериментальной базы. Некоторые его представления были ошибочными, но тем не менее он во многом опередил своих современников. Это относится не только к химии. Научные предвидения Н. А. Морозова проявились и в астрономии. Еще в 1911 году он публично высказал смелую мысль, что новые звезды возникают в результате взрыва старых звезд из-за разложения атомов веществ, ставших радиоактивными. Ныне эта гипотеза разделяется многими астрономами и физиками.

Трудно оценить все огромное творческое наследие Н. А. Морозова, — отмечает академик С. И. Вольфович. — Эта задача стоит перед коллективом ученых различных специальностей; выполнение ее будет способствовать обогащению истории нашей науки.

Я желаю...

...чтобы в новом году тысячи тружеников земли стали знаменитыми и прославленными мастерами урожая.

В. НЕЧИТАЙЛО

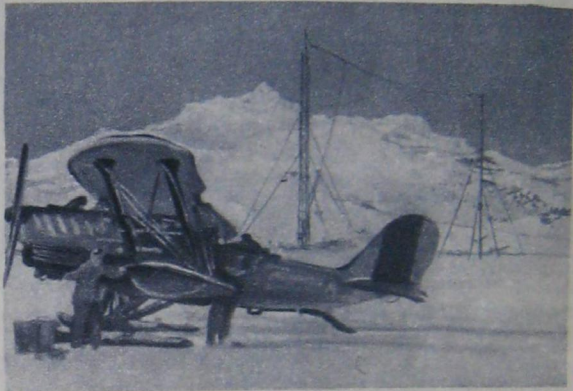
...чтобы свободный созидательный труд красил, радовал и возвышал нового, советского человека.

С. ДУДНИК

...чтобы славная наша столица в наступающем году оделась в зелень многолетних лип и молодых насаждений, чтобы украсила ее новый наряд из цветов и бульваров.

В. БИБИКОВ

...чтобы в 1948 году, как и в прежние годы, продолжалось освоение Арктики советскими людьми с их героическим терпением и отвагой.

Г. НИССКИЙ

КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ

Сердце ЗИМЫ

Д.М. ЗУЕВ

Настала студеная пора белых троп в лесу и самых толстых в году синих льдов на реках. Январь, по старинному русскому календарю, — ледовый месяц — просинец (лед-синчик). По древнеславянскому календарю, январь — сечень, месяц лесорубов. В отдаленные времена наши славные предки славяне в этом месяце срубали леса, а затем сжигали их, готовя землю под пашню.

Месяц глубоких сугробов и трескучих морозов.

Редко в просветах облачности фаянсовым осколком сверкает ясная лазурь. Чаше морозная мгла окутывает горизонт, едва отличный от волнистого моря снегов... Сугробы — наше богатство: «Много снега, больше хлеба».

Порой разгуляется погода, прояснится небо. К вечеру стынет и звонит сухой и хваткий морозный воздух. Вывездет небо.

Яркие звезды январского ночного неба. Натянутый лук созвездия Орион вертикально показывает юг, наклон вправо — юго-запад, влево — юго-восток. Встарину Орион обозначался по карте охотником с мечом на поясе. И современному охотнику это созвездие — ориентир, если облака скрывают Полярную звезду — указку севера. Красная звезда — Бетельгейзе (слева сверху в Орионе) вместе с Солнцем с орбитами трех планет (считая и нашу Землю). Другая, видная простым глазом (справа), белая — Ригель. Самая яркая на всем небе, несравненная по блеску — звезда Сириус — яснилась на юге влече ниже Ориона. На западе красуется серебристая Венера.

«Не к Покрову, а к Петрову дню идет время, прибывают дни, прошло зимнее солнцестояние 22 декабря, миновала самая долгая в году ночь. Раньше всходит, позднее заходит солнце. Но победа света — еще не перенес тепла. Самое студеное время — январь».

Году — начало, зиме — середина — январь. День в гору

А желаю...

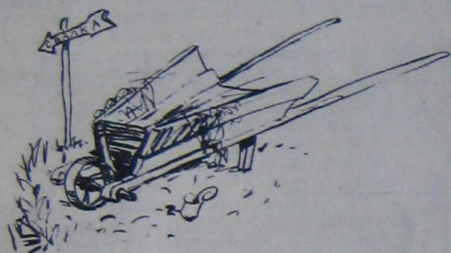
...чтобы природные «парки культуры и отдыха» манили людей своей прелестью в часы досуга.

Н. РОМАДИН

...чтобы гладь тихих рек взбродили легкокрылые яхты спортсменов и чтобы 1948 год принес советским спортсменам новые мировые рекорды.

С. БОЯМ

...чтобы в 1948 году народы прокатили в этом экипаже всех черчиллей и даллесов — и подальше.

А. КАНЕВСКИЙ

1948 ГОД: — Ты родился всего на две недели раньше меня и уже так хорошо прибавился в весе?

ПОЖЕЛАНИЕ: чтобы так же прибавлялся в весе и в дальнейшем.

Н. СЕМЕНОВ

пошел, а холода еще крепче. По-народному: «Солнце на лето, зима — на мороз».

В конце января иногда прихватывают еще «афанасьевские морозы», 31 января, по народной поговорке: «Афанасий — помонос — береги нос». Но сильные морозы и особенно иней, по народным приметам, — к урожаю.

День растет. Мороз морозом, а голубой жемчуг высот над белым лесом очень уж яркое и глубокое. Глухозимье позади. «Не к Покрову, а к Петрову дню идет время!»

В творчестве русского народа желанный мороз, предвестник урожая, олицетворяется в образе деда Мороза, излюбленного героя детских сказок.

Дед Мороз — главное действующее лицо на детских праздниках, на новогодней елке.

...Снег сияет и хрустит, шаги чеканит. Приятен шелковистый треск, упругий скрип атласно-белых зимних троп. Подбадривает эта с детства знакомая походная маршевая музыка мороза: «В мороз и холод всякий молодец. Тихо и глухо в зимнем лесу».

Снежинка за снежинкой бесшумно роится, летит и задумчиво закручивается вокруг елки. На зеленую еловую ветвь ее мягко опустилась с неба кристально чистая звездочка. Следом, вдобавок, на

нее налетела другая такая же шестигранная звездочка. Не плещется, нежно касаясь друг друга, пыльные кристаллы холода. Сверкают искрами. И так осторожно лепятся снежинки на лапки, будто укладывает их заботливой рукой искусный декоратор. Неподражаемо красиво алмазная осыпь снежных звездочек обряжает одинокую елку на краю лесной поляны.

Позолочены солнцем отливные бронзой мониста шоколадных шишек на макушке. Сверкают звезды кристаллических снежинок. Холодный луч солнца высекает искры, вспыхивают они и закипают словно бенгальские огни. Блестки радужных переливов переносят воображение в душную теплую иваново-купальную сказочную ночь июля, когда на ветвях ели тоже звездисто мигают аметистовые ивановские светлячки — зеленые глазки леса.

На просторе природы в лесную даль расступаются широкие горизонты. А в плену стен под потолком не осветит сияния глубь неба домашнюю елку.

На квартире у шумного новогоднего стола смущается в углу застенчивая диаворка — елка, — но все же нехочаще взоры веселых гостей, кротко щеголяет вечнозеленой краской колоколь хвоя. Навешенные на суках гостиницы

удвойне дороже умиленным сердцам восторженных детей.

Свежее дыхание родного леса — смолистый запах — струится, разливается по комнатам и пробуждает наплыв лирических чувств у горожан.

Под открытым небом зимы в морозно-колючем воздухе скучнее запах хвои. Зато лесная елка отличается нарядом, не восторжествующим в городе.

На елке, смотрите, уселась, как нарочно, хохлатая птица с голубыми оплечьями по крыльям. Настоящая «синяя птица». Красивая птица, когда молчит, а крикнет — будто дверь заскрипела. Горласто орет дерябка-сойка. Все секреты леса выдает. Вон она полетела за новостями, а на елку присел какой-то неправдоподобный малиновый голубок, только неуклюжий и хохлатый. Флейтовым поведением окликает он сонную тишину леса. Это шур, гость тайги.

Веселье — дитя летелет на спех, получил в подарок шишку, оживился, радостно зашурял в воздухе, понес добычу на свою кухню.

Примостился на ели красивый попугайчик севера — клест, старый савчик. Бодро цокает и, как заводная игрушка, сползает ниже по сучкам. И не сидится ему, баловнику, как полагается у людей на елке. Хватко он уце-

пился ногами за ветку. Словно привязан, потешно вниз головой повис, опрокинулся за чем-то. А так ему удобнее. Крестообразным, перекрещенным кловом он еловую шишку внизу, как штопором, раскуривает, долбит, семя достает.

Беспокойное «цок» — и клест взлетает. Встряхивается белая гиря снега на ветке, рассыпая бриллиантовые искры инея. А на его месте другая, более заботливая живая игрушка в меху цвета остывшего пепла сигары. Белка! Распущенный веер хвоста свесила, своим делом бойко занялась, видно, торчит. Пампула и изныло держит передними лапками шишку, с аппетитом семечки грызет. Игриво подергивается трапециевидный зверек, веером развевается пушистый хвост.

С сосны перелетел на елку аспидно-черный, с седыми крапинками глухарь, и на солнце зеленоватым золотом блистает тугой зоб этого редкого первобытного природного Глухаря кирзул славенно и с громким лопотом крыл снlessly спешно аэропланом: ему пора встречать новый год под снегом.

Из деревни на ночлег прилетел сорока, присела на макушку елки и застрекотала: о денных новостях трещоткой судачит белобока-болтушка. Во все стороны поворачивается, своим длинным

черным с зеленовато-металлическим отливом хвостом вертит. Оглядывается, интересуется, кому охота ее рассказы послушать... Никого не видать.

Не дождалась слушателей, снялась с еловой настилки сорока и взмыла вверх над лесом, как бы нацелила полет на мигающую Полярную звезду.

Степнело. Над елью мерцает яркая красная звезда. И зайчик-белка, неподвижно лежавший днем под елкой, увидел, как подмигнула ему звезда: «Пора на ноги, скоромча!» Острием шпиля елка тянется к звездам.

Сменяются времена года... А елка отстает свое время, коротает свой век, тешит взоры людей «зимой и летом одним цветом».

Искры игольного инея звездятся на ней, переливаются с далекими высококошными звездами. Сияет небесный шатер. Время идет, передвигает, как бы вышивает разные звезды на полог неба, украшая ночное зрелище елки.

Так стоит в лесу елка, и такую же воображению горожанина представляется на квартире сладко пахнущая душистой хвоей с мороза комнатная елка в позументах вместо инея, с оловянной звездой на макушке и ватой внизу взамен сугроба.

БОЛЬШОЙ КОНЬКОБЕЖНЫЙ СЕЗОН

Ледяные дорожки, отполированные, сверкающие, прозрачные, готовы принять на свою поверхность скороходы.

4 января в Москве матчем четырех городов—Москвы, Ленинграда, Горького и Свердловска—начинается большой конькобежный сезон. Мы снова увидим на дистанции наших первоклассных ледовых асов—победителей крупнейших международных и всесоюзных соревнований, мировых рекордсменов и чемпионов страны. Среди участников первого крупного соревнования Иван Анников, Мария Исакова, Татьяна Карелина, Владимир Прошин, Николай Петров, Константин Кудрявцев, Игорь Ипполитов, Зоя Холщевникова, Мариана Валовова и многие другие. Тут что ни имя, то яркая страница спортивной борьбы.

Любителям конькобежного спорта памятна встреча Владимира Прошина, сильнейшего многоборца страны, с Иваном Анниковым на первенстве Советского Союза 1947 года. Эта встреча закончилась неожиданным поражением Прошина, победителя всех крупнейших соревнований прошлого сезона. Но в борьбе за звание абсолютного чемпиона Прошин должен был уступить этот титул другому выдающемуся многоборцу—Аникову, который до этого уже четыре раза выигрывал абсолютное первенство.

Многоборье в конькобежном спорте состоит из четырех дистанций—500, 1500, 5000 и 10 000 метров. Не каждый скороход может рассчитывать здесь на успех. От соревнующихся требуются разносторонние способности, гармоничное сочетание быстроты и выносливости, умение побеждать и на коротких и на длинных дистанциях. Прошин и Анников—как раз конькобежцы такого склада. И тот и другой хорошо ходят 500 метров, являются сильнейшими на 1500 метров и не уступают нашим стайерам.

Аников неудачно выступал последние годы, и его победа над Прошиным для многих была неожиданностью, но те, кто знают этого упорного, много работающего над собой спортсмена, не удивились его успеху.

Николай Петров—выдающийся многоборец Советского Союза, абсолютный чемпион СССР 1946 года—из-за болезни не проявил себя в прошлом сезоне; сейчас он упорно тренируется, и надо рассчитывать, что скажет свое веское слово этой зимой.

Константин Кудрявцев—сильнейший спринтер мира. Он подтвердил свою репутацию и в прошлом сезоне, когда прошел 500 метров за 43,6 секунды. Никто из зарубежных скороходов не мог побить его результат. Сейчас у Кудрявцева появилась молодая и сильная противница—Павел Беляев. Еще не так давно Беляев выступал в разряде юношей, теперь он соревнуется с сильнейшими скороходами-мужчинами. У него в прошлом сезоне на дистанции 500 метров было второе время—44,1 секунды.

В беге на 1500 метров лучшее время в 1947 году показал Иван Анников—2 минуты 24,2 секунды. Вторым был Прошин, с результатом на 4 десятых хуже.

Среди наших стайеров первенствовал Игорь Ипполитов. 10 000 метров он прошел за 18 минут 8,3 секунды. Этот скороход стоит в одном ряду с Анниковым, Прошиным, Петровым—лучшими многоборцами страны.

Два года под ряд Мария Исакова уверенно закрепляла за собой звание абсолютного чемпиона страны. В розыгрыше прошлого года вплотную к ней подошла Зоя Холщевникова, занявшая второе место. Бесспорно, что в этом году и с той и с другой будут успешно соревноваться Ольга Акифьева и София Кудрявина—ленинградские спортсменки. Наконец, не сказала еще своего последнего слова мировая рекордсменка на 1500 и 5000 метров—Татьяна Карелина.

На матче четырех городов мы увидим так-

**Беседа с начальником отдела конькобежного спорта Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта
В. Н. ЕВДОКИМОВЫМ**

же двух талантливых представителей горьковских скороходов, чемпионов РСФСР 1947 года Геннадия Пискунова и Мариану Валовову. Многого надо ждать от молодых конькобежцев ленинградца Алексея Пискарева и свердловчанки Римы Жуковой.

Как никогда, упорно и напряженно, готовились наши скороходы к нынешнему сезону. Еще в августе началась эта подготовка. Сильнейшие конькобежцы собрались на Рижском взморье, где они тренировались под руководством Константина Кудрявцева. Этот исключительно культурный спортсмен, кончивший в свое время высшую тренерскую школу, стал теперь старшим тренером сборной команды СССР. Кудрявцев—не только конькобежец, но и отличный легкоатлет, в прошлом чемпион страны по пятиборью. Теперь он использовал свои знания в легкой атлетике для подготовки конькобежцев. Первый в нашей практике летний сбор скороходов дал исключительно благоприятные результаты. Когда в декабре сборная команда конькобежцев приехала в Горький, она оказалась прекрасно физически подготовленной и смогла сразу же приступить к напряженной работе на льду.

Еще в то время, когда зима боролась с осенью и катки не могли принять конькобежцев, они тренировались на озерах. Каждый день здесь можно было видеть всех наших лучших скороходов во главе с их тренерами—заслуженными мастерами спорта Е. Петфурдом и В. Ипполитовым, мастерами спорта Е. Соповым и М. Соколовым. Перед каждым конькобежцем были поставлены конкретные задания.

Уже на первых прикидочных соревнованиях были показаны прекрасные результаты. К. Кудрявцев пробежал 500 метров за 43,7 секунды, И. Анников прошел 1500 метров за 2 минуты 24,7 секунды.

Нынешний конькобежный сезон является большим сезоном не только потому, что наши ведущие скороходы находятся в прекрасной форме, но прежде всего потому, что конькобежный спорт получает сейчас широ-

кое распространение. В этом году впервые проводятся массовые комсомольско-профсоюзные соревнования на простых коньках. В течение всего января по всему Советскому Союзу будут соревноваться десятки тысяч молодых конькобежцев из которых, бесспорно, выдвинутся выдающиеся скороходы.

Во многих городах страны в декабре прошли учебно-спортивные сборы. В Иваново тренировались фигуристы, в Свердловске—конькобежцы «Спартак», в Кирове—конькобежцы РСФСР, в Горьком—скароходы ВЦСПС.

Нынешняя зима будет насыщена целым рядом крупнейших соревнований, которые должны стать большими праздниками для участников и зрителей. В феврале пройдет первенство шести ведомств. Состоится зимняя спартакиада РСФСР, которая по числу своих участников не будет уступать летней спартакиаде, прошедшей с таким успехом в Москве. Будут проведены студенческие соревнования. В Архангельск съедутся лучшие конькобежцы-школьники. Наконец, как и обычно, 12 марта начнется лично-командное первенство Советского Союза. В этом году оно проводится в городе Кирове, который славится своим великолепным льдом и давними конькобежными традициями. После первенства СССР в Кирове будет разыгран в десятый раз приз имени С. М. Кирова.

В прошлом году наши скороходы не имели международных встреч, и нам сейчас трудно судить о степени подготовленности конькобежцев в Норвегии, Финляндии и других странах. Но нам известно, что и за рубежом идет большая подготовка. Предстоит целый ряд больших соревнований. В первой половине января в Хамаре (Норвегия) разыгрывается первенство Европы. 31 января в Сен-Морице (Швейцария) будут проведены зимние олимпийские игры. Мировое первенство по конькобежному спорту состоится в Финляндии—в середине февраля для женщин и в конце февраля для мужчин.

Многочисленные любители конькобежного спорта с нетерпением ждут выхода на лед наших советских скороходов. Наступило время пустить в ход секундомеры. Мы многого ждем от наших конькобежцев в 1948 году. Пожелаем же им хорошего льда и рекордных секунд!

Абсолютный чемпион по конькам 1947 года М. Анников.
Фото Н. Волкова

Абсолютный чемпион по конькам 1947 года М. Исакова.

Матч в водное поло между командами военно-морских учебных заведений и ленинградским «Динамо» на первенство страны 1947 года.

Фото Дм. Вальтерманца

Водное поло

Трибуны московского плавательного бассейна № 1 в течение семи дней не могли вместить всех желающих посмотреть игру восьми сильнейших команд страны по водному поло на первенстве Советского Союза. Борьбу за первое место вели три первоклассных команды: чемпион страны 1946 года ЦДКА, обладатель Кубка СССР «Торпедо» и команда военно-морских учебных заведений (Ленинград). Встреча ЦДКА с моряками закончилась вничью со счетом 5:5. «Торпедо» проиграла

ленинградцам матч со счетом 3:4, и, таким образом, судьба первого места решалась встречей «Торпедо» и ЦДКА. Если бы армейцы выиграли у торпедовцев, они бы закрепили за собой звание чемпиона! Но этот острый, насыщенный борьбой матч закончился сокрушительным поражением ЦДКА, со счетом 5:2, и, таким образом, команда военно-морских учебных заведений стала чемпионом страны на 1947 год.

Водное поло имеет большую и интересную

историю. Монгольская игра в мяч — поло — появилась больше двухсот лет тому назад и затем проникла в Европу. Известна игра в поло на лошадях, на мотоциклах и даже на небольших автомашинах. Характерная черта всех этих разновидностей заключается в том, что игроки используют искусственные средства передвижения. С этой точки зрения, казалось бы, что водное поло не имеет ничего общего со своими «дальними родственниками», ведь в этой игре команды не применяют ни лодок, ни других искусственных средств. Но это название возникло потому, что первые игроки в водное поло использовали во время матча бочки, сидя на которых они гоняли мяч на воде с помощью палок.

С развитием техники плавания бочки и палки оказались ненужными, и пловцы стали перебрасывать мяч по воде руками.

Первый матч в водное поло без применения бочек был разыгран в Лондоне в 1869 году. Тогда игра проводилась без ворот и для победы требовалось только подвести мяч к лицевой линии противника.

Первый матч в водное поло в России состоялся в 1913 году в Москве, в бассейне сан-дуновских бань, между командами Москвы и Петербурга. Но дальнейшее распространение этой интересной игры было задержано в связи со слабым развитием плавательного спорта. Только после Октябрьской революции, в 1920 году, водное поло стало культивироваться в ряде спортивных клубов, особенно в Ленинграде. Ленинградские пловцы до 1933 года сохраняли свое преимущество, как правило, выигрывая все встречи.

Водное поло — одна из самых трудных спортивных игр. Любой молодой спортсмен может сразу начать играть в футбол, баскетбол или волейбол. Но прежде чем стать игроком в водное поло, надо в совершенстве овладеть техникой самого быстрого способа плавания — кролем — и чувствовать себя на воде так же уверенно, как и на суше. Но даже хорошо тренированные пловцы за два тайма (продолжительность каждого тайма — 12 минут) затрачивают не меньше энергии, чем футболист за девяносто минут игры.

Мастер спорта И. ФАЙЗУЛИН

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Встречи гиревиков и борцов

Советские спортсмены давно уже усвоили мысль, что выдающиеся достижения в спорте принадлежат всесторонне развитым людям. Сейчас уже только карикатуристы по старой памяти рисуют футболистов с гипертрофированными ногами, боксеров с пудовыми кулаками, гиревиков с чудовищными бицепсами. Наши спортсмены, как правило, — на редкость пропорционально сложенные и гармонически развитые люди. Даже те, кто совершенно не разбирается в тонкостях гиревого спорта, в напряженности борцовских схваток, получили истинное удовольствие, наблюдая прошедшие в Москве межведомственные соревнования по гирям и борьбе. Это был настоящий парад подлинной мужской физической красоты и силы.

Соревновались ведомства: профсоюзы, промкооперация («Спартак»), Советская Армия, «Трудовые резервы» и внутренние и пограничные войска («Динамо»). Если хотите, это было своеобразным командным первенством страны, потому что на помосте и ковры мы увидели самых выдающихся наших спортсменов.

Можно было бы не сомневаться в победе гиревиков профсоюзов, представленных такими корифеями гиревого спорта, как чемпионы СССР и Европы Я. Куценко, Г. Новак, И. Механик, но каждое из ведомств выставляло не одну, а две команды. Эта система зачета давала большие шансы на победу «Динамо». Третий день соревнования штангистов оказался решающим. Создалось любопытное положение, при котором судьбу первого места решил не представитель «Динамо» или профсоюзов, а третья сторона — представитель Вооруженных Сил. Если бы Ефиму Хотимскому удалось занять не шестое место, на котором он фактически оказался, а встать выше, что можно было ожидать от этого сильного атлета, то представитель «Динамо» отдался бы на одно место ниже и лишился бы свою команду того очка, которое принесло ей победу.

Подавляющее большинство штангистов блеснуло прекрасной формой. Давно уже на наших гиревых соревнованиях не показывались такие выдающиеся достижения да еще в таком количестве. Если не считать полутяжелого веса, где первенствовал, как обычно, Новак, то все корифеи встретили очень сильную конкуренцию. Чемпион СССР

и Европы спартаковец И. Аздаров, набравший 300 килограммов, только на 7,5 килограмма обошел представителя ВЦСПС М. Косарева. Такой же просвет у полутяжеловеса М. Касьяника (330 килограммов) и его одноклубника динамовца Е. Лопатина, причем любопытно, что оба победителя знаменитого шведского гиревика Андерсена, который с 320 килограммами завоевал звание чемпиона Европы и мира. Легковес И. Механик (352,5 килограмма) набрал только на 2,5 кило больше В. Светличник. Сюрпризом закончилось соревнование средневеса. Чемпион СССР и Европы Н. Шатов, как и его конкурент Ю. Дуганов, поднял в сумме 372,5 кило, но Дуганов оказался на 300 граммов легче Шатова, и первое место осталось за ним. Даже наш абсолютный чемпион Я. Куценко на этот раз опередил только на 2,5 килограмма своего соперника Н. Лапутина. Абсолютно лучший результат соревнований показал Г. Новак — 412,5 килограмма.

В соревновании борцов положение было ясно с самого начала. Команда «Динамо» собрала в своем составе сливки советского борцовского спорта. Даже в ее второй команде мы видели чемпиона СССР Г. Ткаченко. Нетрудно было предсказать победу динамовцам, хотя дело не обошлось без некоторых сюрпризов. Так, чемпион СССР Ткаченко проиграл В. Крутыковскому (второй команда профсоюзов). Кстати, во встрече этих команд динамовцы едва не лишились победы. Счет был 4:3 в их пользу, когда на ковер вышла последний пара, тяжеловес Мехокишвили и Плюсуля. Эта встреча прошла в редком для тяжело-веса темпе. Плюсуля провел блестящий бросок, беспрерывно атаковал, но в конце концов был измотан и брошен на лопатки. Динамовцы — чемпионы СССР и Европы И. Коткас, К. Коберидзе и Н. Белов — провели свои встречи без поражений.

Несмотря на то, что большинство борцов вели схватки очень осторожно, все же ряд встреч порадовал своей живостью. Защищающийся была борьба чемпиона страны З. Пущаса с динамовцем С. Марушкиным. Чемпион попытался провести обратный посыл, но сам попался на свой прием. Представитель профсоюзов Н. Вусурин выиграл схватку у одного из сильных борцов, неоднократного чемпиона СССР динамовца Л. Егорова.

А. ВИТ

[illegible]

1. *Содержание* 1
 2. *Введение* 2
 3. *Глава I. Общие сведения о предмете исследования* 3
 4. *Глава II. Анализ литературы по теме исследования* 4
 5. *Глава III. Методология исследования* 5
 6. *Глава IV. Результаты исследования* 6
 7. *Глава V. Заключение* 7
 8. *Список литературы* 8
 9. *Приложение* 9
 10. *Сведения об авторе* 10

TABLE 1

[illegible]

1. Tigris	2. Euphrates	3. Tigris	4. Euphrates	5. Tigris	6. Euphrates	7. Tigris	8. Euphrates	9. Tigris	10. Euphrates	11. Tigris	12. Euphrates	13. Tigris	14. Euphrates	15. Tigris	16. Euphrates	17. Tigris	18. Euphrates	19. Tigris	20. Euphrates	21. Tigris	22. Euphrates	23. Tigris	24. Euphrates	25. Tigris	26. Euphrates	27. Tigris	28. Euphrates	29. Tigris	30. Euphrates	31. Tigris	32. Euphrates	33. Tigris	34. Euphrates	35. Tigris	36. Euphrates	37. Tigris	38. Euphrates	39. Tigris	40. Euphrates	41. Tigris	42. Euphrates	43. Tigris	44. Euphrates	45. Tigris	46. Euphrates	47. Tigris	48. Euphrates	49. Tigris	50. Euphrates	51. Tigris	52. Euphrates	53. Tigris	54. Euphrates	55. Tigris	56. Euphrates	57. Tigris	58. Euphrates	59. Tigris	60. Euphrates	61. Tigris	62. Euphrates	63. Tigris	64. Euphrates	65. Tigris	66. Euphrates	67. Tigris	68. Euphrates	69. Tigris	70. Euphrates	71. Tigris	72. Euphrates	73. Tigris	74. Euphrates	75. Tigris	76. Euphrates	77. Tigris	78. Euphrates	79. Tigris	80. Euphrates	81. Tigris	82. Euphrates	83. Tigris	84. Euphrates	85. Tigris	86. Euphrates	87. Tigris	88. Euphrates	89. Tigris	90. Euphrates	91. Tigris	92. Euphrates	93. Tigris	94. Euphrates	95. Tigris	96. Euphrates	97. Tigris	98. Euphrates	99. Tigris	100. Euphrates	101. Tigris	102. Euphrates	103. Tigris	104. Euphrates	105. Tigris	106. Euphrates	107. Tigris	108. Euphrates	109. Tigris	110. Euphrates	111. Tigris	112. Euphrates	113. Tigris	114. Euphrates	115. Tigris	116. Euphrates	117. Tigris	118. Euphrates	119. Tigris	120. Euphrates	121. Tigris	122. Euphrates	123. Tigris	124. Euphrates	125. Tigris	126. Euphrates	127. Tigris	128. Euphrates	129. Tigris	130. Euphrates	131. Tigris	132. Euphrates	133. Tigris	134. Euphrates	135. Tigris	136. Euphrates	137. Tigris	138. Euphrates	139. Tigris	140. Euphrates	141. Tigris	142. Euphrates	143. Tigris	144. Euphrates	145. Tigris	146. Euphrates	147. Tigris	148. Euphrates	149. Tigris	150. Euphrates	151. Tigris	152. Euphrates	153. Tigris	154. Euphrates	155. Tigris	156. Euphrates	157. Tigris	158. Euphrates	159. Tigris	160. Euphrates	161. Tigris	162. Euphrates	163. Tigris	164. Euphrates	165. Tigris	166. Euphrates	167. Tigris	168. Euphrates	169. Tigris	170. Euphrates	171. Tigris	172. Euphrates	173. Tigris	174. Euphrates	175. Tigris	176. Euphrates	177. Tigris	178. Euphrates	179. Tigris	180. Euphrates	181. Tigris	182. Euphrates	183. Tigris	184. Euphrates	185. Tigris	186. Euphrates	187. Tigris	188. Euphrates	189. Tigris	190. Euphrates	191. Tigris	192. Euphrates	193. Tigris	194. Euphrates	195. Tigris	196. Euphrates	197. Tigris	198. Euphrates	199. Tigris	200. Euphrates	201. Tigris	202. Euphrates	203. Tigris	204. Euphrates	205. Tigris	206. Euphrates	207. Tigris	208. Euphrates	209. Tigris	210. Euphrates	211. Tigris	212. Euphrates	213. Tigris	214. Euphrates	215. Tigris	216. Euphrates	217. Tigris	218. Euphrates	219. Tigris	220. Euphrates	221. Tigris	222. Euphrates	223. Tigris	224. Euphrates	225. Tigris	226. Euphrates	227. Tigris	228. Euphrates	229. Tigris	230. Euphrates	231. Tigris	232. Euphrates	233. Tigris	234. Euphrates	235. Tigris	236. Euphrates	237. Tigris	238. Euphrates	239. Tigris	240. Euphrates	241. Tigris	242. Euphrates	243. Tigris	244. Euphrates	245. Tigris	246. Euphrates	247. Tigris	248. Euphrates	249. Tigris	250. Euphrates	251. Tigris	252. Euphrates	253. Tigris	254. Euphrates	255. Tigris	256. Euphrates	257. Tigris	258. Euphrates	259. Tigris	260. Euphrates	261. Tigris	262. Euphrates	263. Tigris	264. Euphrates	265. Tigris	266. Euphrates	267. Tigris	268. Euphrates	269. Tigris	270. Euphrates	271. Tigris	272. Euphrates	273. Tigris	274. Euphrates	275. Tigris	276. Euphrates	277. Tigris	278. Euphrates	279. Tigris	280. Euphrates	281. Tigris	282. Euphrates	283. Tigris	284. Euphrates	285. Tigris	286. Euphrates	287. Tigris	288. Euphrates	289. Tigris	290. Euphrates	291. Tigris	292. Euphrates	293. Tigris	294. Euphrates	295. Tigris	296. Euphrates	297. Tigris	298. Euphrates	299. Tigris	300. Euphrates	301. Tigris	302. Euphrates	303. Tigris	304. Euphrates	305. Tigris	306. Euphrates	307. Tigris	308. Euphrates	309. Tigris	310. Euphrates	311. Tigris	312. Euphrates	313. Tigris	314. Euphrates	315. Tigris	316. Euphrates	317. Tigris	318. Euphrates	319. Tigris	320. Euphrates	321. Tigris	322. Euphrates	323. Tigris	324. Euphrates	325. Tigris	326. Euphrates	327. Tigris	328. Euphrates	329. Tigris	330. Euphrates	331. Tigris	332. Euphrates	333. Tigris	334. Euphrates	335. Tigris	336. Eup
-----------	--------------	-----------	--------------	-----------	--------------	-----------	--------------	-----------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	---------------	------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------------	-------------	----------

[illegible]

Содержание: М. ПРАВОСЛАВ

© 2004 Blackwell Publishing Ltd *Journal of Internal Medicine* 255: 105–112

Модель

ВЕСЕННИЕ КОСТЮМЫ

1. Костюм из шерстяной ткани в мелкую клетку с косой кокеткой и клапанами карманов. Автор модели — Ф. Горленкова. (Ателье № 34 треста Мосиндодержа).
2. Платье-костюм из шелковой или шерстяной ткани, отделанное бархатом или блестящим шелком. Автор модели — Д. Писарева. (Экспериментальные мастерские Главунивермага).
3. Шерстяной костюм, прилегающий к талии, с двумя рядами пуговиц и с двойными клапанами над карманами. Автор модели — Д. Писарева. (Экспериментальные мастерские Главунивермага).

4. Костюм из шерстяной ткани, отделанный мехом. Юбка в мелких складках. Автор модели — В. Горовиц. (Московский дом моделей).
5. Платье-костюм из легкой шерсти или шелка. Баска с четырьмя швами и манжеты застегиваются мелкими складками. Автор модели — М. Карагодская. (Производственные мастерские Главнаба Комитета по делам искусств СССР).
6. Однобортный костюм из шерстяной ткани. Спинка жакета и юбка расширены книзу. Автор модели — Е. Райзман. (Ателье орска МХАТ).

